

Годъ 1.

1907.

ОТЪЛЫКИ

НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

— И —

ЕГО ДОСУГИ.

№ 3.

Мартъ.

ТИПОГРАФІЯ К. А. БАРАНЪЕВА, г. ВОЛОГДА.

Редакторъ-издатель А. Ѳ. Знаменскій.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

О перенесеніи лодзинской учебной дирекціи въ гор. Петроковъ. Министръ Народнаго Просвѣщенія, 15 декабря 1906 г., донесъ Правительствующему Сенату, для распубликованія, что Высочайше утвержденнымъ 1-го декабря 1906 г. положеніемъ Совѣта Министровъ постановлено: перенести лодзинскую учебную дирекцію въ г. Петроковъ, съ сохраненіемъ ея наименованія и съ подчиненіемъ ей всѣхъ подлежащихъ учебныхъ заведеній Петроковской губерніи.

Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.

Января 20-го. „Ординарному профессору Императорскаго с.-петербургскаго университета, доктору астрономіи и геодезіи, дѣйствительному статскому совѣтнику **Жданову**—Всемилоствѣйше повелѣваемъ быть попечителемъ московскаго учебнаго округа“.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

По гражданскому вѣдомству,

25-го января 1907 года, № 5:

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія.

По рижскому учебному округу.

ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: младшій учитель рижскаго городского шестикласнаго женскаго училища **Рихтеръ**—съ 1-го іюля 1906 г.; инспекторы народныхъ училищъ риж-

скаго учебнаго округа: **Васильевъ**—съ 1-го іюля 1906 г. и **Дунаевъ**—съ 1-го іюня 1906 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель рижскаго городского училища Императрицы Екатерины II, **Дружинскій**—съ 10-го февраля 1906 г.; врачи еврейскихъ училищъ: гольдингенскаго казеннаго 1-го разряда, **Герцбергъ**—съ 20-го октября 1902 г. и либавскаго двухкласснаго начальнаго, **Фалькъ**—со 2-го января 1904 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учителя городскихъ училищъ: ревельскаго четырёхкласснаго Императрицы Екатерины II, **Фурсъ**—съ 24-го августа 1905 г.; везенбергскаго трехкласснаго, **Мазингъ**—съ 31 августа 1905 г.; в баускаго трехкласснаго, **Новожилловъ**—съ 1-го іюля 1905 г. въ *коллежскіе регистраторы*: почетный смотритель фридрихштадтскаго трехкласснаго городского училища Императора Александра II, **Мейке**—съ 1-го іюня 1905 г.; учитель пильтенскаго правительственнаго начальнаго училища, **Панталовичъ**—съ 1-го августа 1906 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго секретаря* учитель рижскаго трехкласснаго городского училища, **Кудрявцевъ**—съ 1-го октября 1900 г.; *коллежскаго регистратора* домашній учитель **Фрейманъ**—съ 24 марта 1906 г.

Отъ 5 февраля 1907 г. № 7:

По управленію учебными заведеніями Восточной Сибири.

ПРОИЗВОДЯТСЯ, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники* инспекторъ народныхъ училищъ 2-го района Иркутской губерніи **Григорьевъ**—съ 14-го сентября 1902 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: бывшій учитель-инспекторъ енисейскаго городского трехкласснаго училища, нынѣ въ отставкѣ **Каргополовъ**—съ 1-го іюля 1899 г. и учитель енисейскаго городского трехкласснаго училища **Курочкинъ**—съ 19-го ноября 1900 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники* учитель-инспекторъ красноярскаго городского трехкласснаго училища **Денисовъ**—съ 20-го іюня 1894 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*: учителя приходскихъ училищъ: иркутскаго Пушкинскаго городского, **Шастинъ**—съ 16-го августа 1901 г., троицкаго, Иркутской губерніи, **Сухинъ**—съ 1-го сентября 1901 г., троицкаго, Енисейской губерніи, **Журавскій**—съ 25-го августа 1896 г., крас-

ноярскаго 6-го, **Терентьевъ**—съ 8-го сентября 1900 г., вознесенскаго, Енисейской губерніи, **Нарциссовъ**—съ 1-го февраля 1900 г., таштынскаго, Енисейской губерніи, **Кибортъ**—съ 25 августа 1898 г. и Иркутскаго имени Павла Пономарева, **Мясниковъ**—съ 10-го іюня 1902 г.; завѣдывающіе двухклассными сельскими училищами: рыбинскимъ, Енисейской губерніи, **Заорекій**—съ 15-го августа 1900 г. и аскызскимъ, Енисейской губерніи, **Потемкинъ**—съ 5-го сентября 1897 г.; учитель дубровинскаго сельскаго училища, Енисейской губерніи, **Крейзбергъ**—съ 1-го сентября 1897 г.; въ *коллежскіе рѣшстраторы*: учителя приходскихъ училищъ: Иркутской губерніи: куйтунскаго двухкласснаго, Ковстантинъ **Лыткинъ**—съ 17-го іюня 1900 г., листовичнаго, **Богдановъ**—съ 6-го іюля 1899 г., верхне-острожекаго, **Михайловъ**—съ 1-го августа 1900 г., усольскаго двухкласснаго, **Лагутинъ**—съ 31-го августа 1900 г., кудинскаго инородческаго (бывшій, нынѣ въ отставкѣ), **Амагаевъ**—съ 1-го августа 1899 г., Енисейской губерніи: курагинскаго, **Павинъ**—съ 15-го сентября 1900 г., красноярскаго 1-го **Гульбе**—съ 12-го октября 1899 г., покровскаго (бывшій, нынѣ въ отставкѣ), **Чубучинъ**—съ 7-го мая 1879 г. и антроповскаго сельскаго **Абрамовичъ**—съ 28-го октября 1897 г.

УТВЕРЖДАЮТСЯ въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора* учитель-инспекторъ иркутскаго четырехкласснаго Императора Александра III городского училища **Бѣляевъ**—съ 11-го февраля 1900 г.; *титულлярнаго совѣтника* врачъ иркутскаго городского пятикласснаго училища **Рассушинъ**—съ 13-го октября 1897 г. по степени лѣкаря; *коллежскаго секретаря*: бывшіе учителя городскихъ училищъ, нынѣ учителя-инспекторы: иркутскаго городского пятикласснаго училища **Шоссъ**—съ 1-го сентября 1899 г. и киренскаго трехкласснаго, **Богатыревъ**—съ 1-го марта 1897 г.; бывшій учитель ачинскаго городского трехкласснаго училища, нынѣ въ отставкѣ **Онищенко**—съ 11-го сентября 1899 г.; *коллежскаго рѣшстратора*: бывшій учитель рисованія, черченія и чистописанія иркутскаго пятикласснаго городского училища, Николай **Лыткинъ**—съ 1-го сентября 1896 г. и учитель казачнскаго приходскаго училища, Енисейской губерніи, **Копѣйкинъ**—съ 1-го іюля 1900 г. по званію студента дух. семинаріи.

Воскресныя школы въ деревнѣ и народныя чтенія.

Не легко положеніе школьнаго учителя, особенно на первое время, въ глухой деревнѣ, удаленной отъ города и другихъ болѣе крупныхъ общественныхъ центровъ. Въ небольшомъ поселкѣ, гдѣ кромѣ крестьянъ нѣтъ ни одного, сколько нибудь образованнаго, а часто даже грамотнаго человѣка, съ которымъ бы учитель въ свободные отъ классныхъ занятій часы могъ побесѣдовать о предметахъ интересующихъ его, могъ подѣлиться своими мыслями и взглядами и отъ него получить какія либо новыя свѣдѣнія, очевидно онъ обреченъ на одиночество. Предоставленный одному себѣ, онъ станетъ тяготиться своимъ положеніемъ, станетъ искать выхода изъ него и можетъ истомиться отъ скуки, если, сверхъ обычныхъ занятій своихъ въ школѣ, не найдетъ какого либо интересующаго его дѣла. Въ послѣднемъ случаѣ положеніе его значительно измѣняется и становится несравненно лучшимъ, что и хочу подтвердить собственнымъ примѣромъ.

Назначенный учителемъ въ деревню, я прибылъ въ школу осенью въ ненастную погоду, по глубокой грязи и при холодномъ пронизывающемъ вѣтрѣ. Съ жизнію деревни и ея порядками я совсѣмъ не былъ знакомъ, а между тѣмъ на первыхъ же порахъ предстояло много хлопотъ: нужно было привести школьное помещеніе въ надлежащій видъ, разыскать необходимыя пособія, устроить также свою маленькую квартиру, и наконецъ собрать учениковъ для открытія занятій. Никто не помогъ мнѣ на первыхъ порахъ, а препятствія встрѣчались на каждомъ шагѣ и надо ихъ было преодолѣть. Но, воодушевленный желаніемъ работать, я, не замѣтно для себя, все преодолѣлъ.

Начался день ученья. Я увидѣлъ себя окруженнымъ множествомъ бѣловолосыхъ растрепанныхъ ребятишекъ, смотрѣвшихъ на меня съ любопытствомъ маленькихъ дикарей. Много ихъ набралось, и трудно было ихъ размѣстить въ тѣсномъ помѣщеніи школы, но кое-какъ всё усьблись и общая учебная работа была начата. Не легко было справиться съ разнообразнымъ составомъ учащихся, какъ по возрасту, такъ и по ихъ знаніямъ, способностямъ и степени воспримчивости, но я не жалѣлъ силъ. Я видѣлъ, что труды мои не проходятъ безслѣдно. Хорошіе результаты обученія радовали меня и я началъ приходить къ убѣжденію, что могу найти здѣсь свое счастье. Когда я приобрѣлъ опытъ, многое стало доставаться легче. Только скука и одиночество беспокоили меня, какъ бы заброшеннымъ былъ я въ деревнѣ. Казалось, что очутившись здѣсь, я потерялъ живую связь съ остальнымъ міромъ, а это больно отзывалось на душѣ; тайно мучило меня сознаніе, что я чуждъ окружающей средѣ, жившей болѣе своими матеріальными интересами. Слишкомъ мало было точекъ соприкосновенія съ ней. А между тѣмъ хотѣлось бы жить въ обществѣ, которое понимаетъ тебя, въ которомъ можешь получить отвѣты на твои запросы, хотѣлось бы слышать голосъ, въ которомъ было бы больше сочувствія, больше одобренія. Ждать его было не откуда, и я началъ тосковать.

Но дѣло пошло далѣе лучше, такъ какъ я скоро привыкъ къ своимъ ученикамъ, а они ко мнѣ. Мы стали довѣрять и любить другъ друга и на этомъ основался прочный успѣхъ занятій. До весны я успѣлъ не только привыкнуть, но и привязался къ деревнѣ, и на простой народъ смотрѣлъ уже съ любовію и уваженіемъ, хотя и печалила меня та темнота, которая окружала еще деревню, а главное—сильно развившееся пьянство среди крестьянъ, которое если не уничтожить совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ уменьшить стало моею завѣтной мечтой. Сознывая однако-же свое безсиліе въ этомъ дѣлѣ и не зная, какъ приступить къ нему, я жилъ пока одной мечтой. Сбыться этой мечтѣ помогъ слѣдующій случай. Прогуливаясь однажды по селу, я наткнулся на неприятную сцену. Пьяный мужикъ Николай съ всклокоченными волосами, красный, съ помутившимися глазами, въ разорванной рубахѣ, ругался на все село и грозилъ кулаками. Его уговаривала уйти съ улицы въ избу заплаканная жена его, какъ я узналъ потомъ, но онъ оттал-

кивалъ ее отъ себя и продолжалъ шумѣть и безобразничать. Безъ всякой причины онъ накинулся на меня и грубо оскорбилъ. Я увидѣлъ потомъ, какъ староста, съ помощью другихъ крестьянъ, повелъ его куда-то. На второй день послѣ этого случая я увидѣлъ Николая подходившаго къ школѣ. „Что ему нужно?“ подумалъ я. Меня пугалъ разговоръ съ нимъ, такъ какъ я ждалъ отъ него только неприятностей. Было слышно, какъ онъ просилъ доложить о немъ. По тону, какимъ онъ говорилъ, было видно, что онъ пришелъ не со злымъ намѣреніемъ, и я пригласилъ войти. Онъ былъ въ чистой одеждѣ, волосы причесаны, и вообще выглядѣлъ прилично; только слегка опухшее лицо напоминало недавнее пьянство. Онъ въ смущеніи взглянулъ на меня добрыми голубыми глазами и, привѣтливо поклонившись, горячо извинился за свой недавній поступокъ. И онъ въ моихъ глазахъ сталъ другимъ. Я усадилъ его, побесѣдовалъ, и мы разошлись чуть-ли не друзьями. На прощаньи я предложилъ ему заходить ко мнѣ на досугъ, обѣщая почитать ему что нибудь. Онъ обѣщалъ и, дѣйствительно, черезъ недѣлю, въ праздничный день, въ то время, когда многіе изъ его сосѣдей пьянствовали, пришелъ, и не одинъ къ удивленію моему, а съ цѣлымъ десяткомъ товарищей; всѣ они просили меня прочесть имъ „что нибудь позабавнѣе.“ Разумѣется, я съ радостью согласился. Не имѣя болѣе подходящаго для нихъ матеріала для чтенія, я сталъ читать повѣсть „Князь Серебряный.“ Прочитавъ часть ея, я хотѣлъ прекратить чтеніе, дабы не утомить ихъ, малопривычныхъ къ книгѣ слушателей, и чрезъ это не оттолкнуть ихъ съ перваго-же раза отъ нея. Они убѣдительно просили продолжать чтеніе; содержаніе этой книги такъ понравилось имъ, что разойтись по домамъ они согласились только тогда, когда замѣтили мое крайнее утомленіе. На слѣдующій день „дослушивать чудную книгу“ пришло уже не десять человѣкъ, а около трехъ десятковъ. Съ теченіемъ времени слушателей стало больше и больше, а когда былъ сдѣланъ подборъ книгъ и выписанъ волшебный фонарь, то школа переполнялась народомъ. Посѣтители моихъ бесѣдъ съ глубокимъ интересомъ слушали предлагавшіеся имъ рассказы изъ русской исторіи, а особенно тронулъ ихъ рассказъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; съ глубокимъ вниманіемъ выслушивали они также бесѣды о вредѣ

пьянства, о сохраненіи здоровья, о чистоплотности и опрятномъ содержаніи жилищъ, о воспитаніи дѣтей и т. п. Я гордился и радовался отъ души, видя, какъ пробуждается мысль моихъ слушателей, и какъ въ нихъ, людяхъ темныхъ, пробуждается сознание своего человѣческаго достоинства, пониманіе дурныхъ и хорошихъ сторонъ своей жизни. Населеніе, посѣщающее школу, рѣже стало заглядывать въ питейный домъ. Многие изъ моихъ неграмотныхъ слушателей стали высказывать мнѣ сожалѣніе о своей безграмотности и неподдѣльное желаніе, во что-бы то ни стало, научиться грамотѣ. Видя ихъ безкорыстное стремленіе къ свѣту и знанію, и съ разрѣшенія начальства открылъ воскресную школу и съ величайшимъ удовольствіемъ приступилъ къ дѣлу. Ложный стыдъ, вначалѣ обнаруженный кое-кѣмъ изъ населенія (взрослому де не пристало сидѣть за книжкой), быстро началъ проходить, какъ только занятія вошли въ жизнь села и отдѣльные члены его стали понимать грамоту; занятія грамотой вызвали соревнованіе между взрослыми, и крестьяне, научившіеся читать и писать по воскресеньямъ, вызвали въ своихъ односельчанахъ удивленіе. Учились подростки, учились молодые парни, учились пожилые крестьяне и даже старики. У одного изъ послѣднихъ учился въ школѣ внучекъ, и дѣду страстно хотѣлось догнать своего внука въ познаніяхъ. Вообще, къ занятіямъ относились они не только съ усердіемъ и любовью, но даже со страстностью.

Начинались занятія съ полудня и оканчивались въ 7 часовъ вечера, но нѣкоторые не хотѣли идти изъ школы, оставались на томъ-же мѣстѣ еще часа два-три. Они читали и писали не поднимая головы и время отъ времени призывая меня показать новое. Воскресники посѣщали школу даже во время полевыхъ работъ. Нѣкоторые изъ нихъ, научившись читать, брали съ собою въ поле книги, и тамъ же происходили уроки письма, причемъ письменными принадлежностями служили указательный палецъ и мать сыра-земля, о чемъ свидѣтельствовали исписанныя дороги съ тщательно разглаженнымъ пескомъ. И мнѣ отраднo было сознавать, что своими трудами даю хотя нѣкоторой части деревенскаго люда частичку свѣта.

А. Баракшинъ.

ЧТЕНІЕ КНИГЪ СРЕДИ РАБОЧИХЪ ЛЮДЕЙ.

(изъ внѣшкольныхъ разговоровъ съ бывшими учениками).

Въ одинъ святочный вечеръ ко мнѣ въ квартиру вошли трое молодыхъ людей, пріѣхавшихъ изъ Москвы, въ которыхъ я узналъ своихъ бывшихъ учениковъ.

— Нельзя-ли воспользоваться чтеніемъ, — несмѣло заговорилъ первый, — подростокъ лѣтъ 16-ти, остановившись у входа.

— Нельзя, улыбнулся я, пока не присядете, г.г., ближе къ столу и не объясните мнѣ во первыхъ зачѣмъ вамъ понадобились книги, а вовторыхъ, какъ живете?

— Я хотѣлъ у васъ попросить рассказъ Мамина-Сибиряка «въ учены», ухмыляясь во весь ротъ, началъ опять бѣлоголовый, прозванный «сѣдымъ», Ивановъ, потому, что эта книжка занятная: она много правды говоритъ о нашей ремесленной жизни.

— И мнѣ тоже книжку, попросилъ юноша лѣтъ 19-20, только не дѣтскую, а что посерьезнѣе.

— Какую же напримѣръ?

— Нѣтъ ли у васъ соч. Горькаго.

— Горькаго?! вотъ какъ! признаться-не ожидалъ. А впрочемъ, съ какихъ это поръ, Пантелѣевъ, вы стали серьезные книги читать?

— Собственно говоря недавно, и совершенно случайно. Прихожу я однажды въ Румянцевскую бібліотеку и спрашиваю у бібліотекаря (такой, знаете, съ длинными густыми темными волосами на головѣ и въ очкахъ мужчина), — дайте, молю, что нибудь почитать. Онъ взглянулъ на меня поверхъ

своихъ очковъ, и ничего неговоря, указаль на клочекъ бумажки, и буркнулъ: «вотъ тутъ напишите, какую книжку вамъ нужно». Какую? вотъ-те разъ, да я и самъ не знаю!— улыбнулся юноша. Стою какъ истуканъ, покраснѣлъ и въ нерѣшительности верчу карандашемъ. А рядомъ, плечо съ плечомъ со мною, вижу, какой-то господинъ, одѣтый въ студенческую тужурку, быстро набрасываетъ на своемъ клочкѣ слѣдующую фразу: «Дреперъ: Исторія умственнаго развитія Европы»—Позвольте васъ спросить, обратился я къ сосѣду, а мнѣ можно получить такую книгу?—«Конечно можно, не отрываясь, бросилъ онъ; впрочемъ, вы раньше какія книги читали?»—Да читаль, отвѣчаю, только такія, которыя даваль мнѣ учитель.—«Виновать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?» быстро поднявшись и взглянувъ на меня своими большими голубыми глазами, спросить сосѣдъ.—Рисовальщикъ, молъ, съ такой-то фабрики.—«А я студентъ NN, очень пріятно съ вами познакомиться», промолвилъ сосѣдъ, крѣпко пожимая мою руку.—И я познакомился со студентомъ, продолжалъ юноша, а потомъ съ другими его товарищами. Часто я слышалъ ихъ горячіе споры о разныхъ мудреныхъ вопросахъ, въ которыхъ, по правдѣ сказать, я почти ничего не смыслилъ, но серьезный разговоръ мнѣ все же нравился, какъ нравились и книги, которыми снабжали меня студенты. Сперва они почему-то мнѣ дали по рабочему вопросу,—помню Ланге, Лассаля и Маркса «Капиталь». Книги въ общемъ оказались для меня недоступными, а послѣднюю я совершенно не понималъ. Такъ я сказаъ студентамъ. Тогда они стали давать мнѣ что попроще, преимущественно изъ беллетристики: Толстаго, Успенскаго. А въ послѣднее время я принялся за Горькаго.

— Что же новаго вносятъ въ вашу жизнь чтеніе подобныхъ книгъ? спрашиваю я юношу.

— Какъ вамъ сказать,—отвѣчалъ онъ краснѣя,—для меня, конечно, все новое изъ того міра, который описываютъ названные писатели, все-цѣлое откровеніе: напимѣръ у Горькаго въ «Трое» меня крайне заинтересоваль старикъ Еремѣй,—благочестивый, добрый старичекъ.

— А въ чемъ видна его доброта? вмѣшался давно порывавшійся говорить Корнѣевъ, дѣтъ 25 мужчина. И онъ съ чувствомъ нѣкоторый снисходительности оглядѣлъ съ головы до ногъ Пантелѣва.

— Какъ въ чемъ? съ удивленіемъ проговорилъ юноша, да во многомъ. Впервыхъ старикъ пріютилъ безиризорныхъ дѣтей: сироту Илью Лунева и 7-ми лѣтнюю дочку сапожника Перфишки, жившихъ съ нимъ на одномъ дворѣ. Вовторыхъ онъ рассказывалъ этимъ и другимъ дѣтямъ сказки, обучалъ ихъ молиться Богу, говорилъ имъ о правдѣ, о терпѣніи; видимо онъ любилъ дѣтей, жалѣлъ ихъ, и это мнѣ страшно нравится; въ этомъ я вижу великое дѣло.

— Г-о-в-о-рилъ о терпѣніи, жалѣлъ, протянуть съ досадой Корнѣевъ, ероша свои курчавые темные волосы, да развѣ Горькій эту мысль проводилъ въ своемъ сочиненіи? я слышалъ... я читалъ, поправился онъ, что Горькій вовсе не на сторонѣ Еремѣя, съ его филантропіей и чувствительностью; онъ симпатизируетъ людямъ сильнымъ, пожалуй, безжалостнымъ, вроде Лунева. Что же касается такихъ господъ, т. е. не Еремѣя (это отжившій въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ), а кулаковъ, трактирщиковъ, кабатчиковъ, разныхъ «хозяевъ», которые развращаютъ дѣвочекъ, которые высасываютъ послѣднія соки изъ бѣдноты, которые набиваютъ карманы посредствомъ эксплоатаціи, грабя и обманывая направо и налево, что, говорю я, касается такихъ господъ, то у Горькаго найдутся краски ярче чувства негодованія, протестъ сильный, какъ огонь. сатира безощаднѣ сатиры Щедрина.

— Вонъ вы какъ? невольно сорвалось съ языка у меня; вы, повидимому, вѣрно угадываете основной тонъ Горькаго. Но лично я больше сочувствую не ему, а Еремѣю. И желалъ бы, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ его поступкахъ найти откликъ въ душахъ своихъ бывшихъ учениковъ. Вѣдь только въ этомъ смыслѣ я сейчасъ предложилъ вопросъ Пантелѣву.

— Значитъ въ смыслѣ благотворительности или чегонибудь подобнаго?

— Да хотя бы въ смыслѣ чтенія книгъ, къ которымъ вы тяготѣете. И я убѣдился сейчасъ, что вы не только грамотные люди, но и начитанные. Я вижу, вы выбираетесь на добрый путь, такъ вотъ помогите встать на него и другимъ.

— Объ этомъ спросите лучше опять Пантелѣва, сказалъ Корнѣевъ, онъ дѣлалъ опыты въ своей мастерской среди товарищей; и пусть расскажетъ, какіе получились результаты.

— Ахъ да, было дѣло въ мои ученическіе годы, вспомнивъ

что-то, съ оживленіемъ началъ Пантелѣвъ: разъ въ какой-то праздникъ, подойдя къ товарищамъ, которые подъ верстаками жарили въ карты, я говорю имъ: «братцы, давайте придумаемъ другія развлеченія, болѣе полезныя для пастъ, чѣмъ эти карты да орлянки. чѣмъ эти драки да ахальныя пѣсни». Какія же? спрашиваютъ. «Да вотъ, молъ, утромъ послѣ ранней обѣдни за чаемъ прочтемъ дневное Евангеліе; потомъ какуюнибудь занятную книжку». — Мнѣ завтра утромъ некогда, отвѣчаетъ одинъ мальчикъ; — мнѣ чѣмъ свѣтъ мастеру сапоги чистить. — А мнѣ за табакомъ бѣжать, — говоритъ другой. — Мнѣ картошку въ кухнѣ чистить, кухаркѣ пособлять, бормочетъ третій. — Все это была набранная откуда-то мелюзга, пояснялъ Пантелѣвъ, — которую во время инспекторской ревизіи нашъ хозяинъ всегда припрятывалъ. Такъ я съ этой мелюзгой ничего и не могъ подѣлать.

— Вотъ вамъ и лучъ или искорка въ темной средѣ, ха-ха-ха! зашумѣлъ Корнѣвъ: ударилась о стѣну и дальше ни-ни, не пустятъ еще. Вообще, нужно сознаться, продолжалъ онъ горячо, почва для всякихъ культурныхъ начинаній на фабрикѣ или въ мастерской не подготовлена какъ среди дѣтей, такъ и среди взрослыхъ, которые работаютъ по 10¹/₂ часовъ въ сутки. А если принять во вниманіе сдѣльную плату по нѣкоторымъ отраслямъ производства, то и праздникъ обращается въ рабочій день. Остальные часы рѣдкаго и короткаго отдыха проходятъ обыкновенно въ пьянствѣ, въ трактирныхъ развлеченіяхъ, и въ такихъ болѣе невинныхъ забавахъ, какъ слушаніе балаганнаго скomorоха «подъ Дѣвичимъ» или въ Сокольникахъ и на цвѣтномъ бульварѣ. Въ общемъ жизнь сѣренькая, заключилъ Корнѣвъ, — поневолѣ приходится топить горе въ чаркѣ водки. Да, пьянство сильно распространено среди рабочихъ и даже среди дѣтей. И въ этомъ я вижу весь корень зла, возвращенный всей неудовлетворительной экономической обстановкой и безправнымъ положеніемъ рабочего пролетаріата.

— Что въ пьянствѣ весь корень зла, это не ново, говорю я Корнѣву; нова и неувѣренна борьба съ нимъ, которая исходитъ сверху, отъ разныхъ благотворителей. Въ пользу такой борьбы, конечно, я сомнѣваюсь. Я вѣрю въ плодотворность лишь той борьбы, которая будетъ исходить отъ самихъ рабочихъ. Поэтому, не смотря на весь пессимистиче-

скій тонъ вашей рѣчи, Корнѣевъ, я все же не могу не посоветовать вамъ приступить къ подобному доброму дѣлу— дѣлу борьбы съ пьянствомъ.

— Приступить при помощи организаціи общества трезвости, съ чайными, въ которыя контрабандою доставляется водка, въ особенности въ провинціи,—съ ироніей замѣтилъ Корнѣевъ.

— Рабочіе, говорю я, могутъ другіе способы придумать въ дѣлѣ собственнаго отрезвленія, богѣе раціональные, чѣмъ вы указываете, на примѣръ — способъ организаціи такихъ просвѣтительныхъ кружковъ, куда бы, вмѣсто водки, попадала хорошая книжка или евангеліе. Начните лучше съ дѣтей. Вы говорите, что и дѣти не поддаются вашему вліянію. Такъ что же изъ этого? не сразу всякое хорошее дѣло дѣлается. Вы думаете, братцы, мнѣ легко работать на нивѣ просвѣщенія? очень, очень трудно. Какими только тормозами не обставлено наше школьное дѣло! И все же, на сколько силъ хватаетъ, учу и вразумляю. За то какъ радъ бываешь, если подобно вамъ, ктонибудь изъ бывшихъ учениковъ заглянетъ въ мою квартиру и попроситъ книжку!

— Я не согласенъ съ вами, Андрей Филиппычъ, — обратился вдругъ Ивановъ къ Корнѣеву, — что будто бы совсѣмъ невозможно помочь нашему брату мастеровому, аль фабричному, по книжной части. Помочь можно. Я это пробовалъ дѣлать. Правда, первое время, скажу откровенно, я сторонился своихъ товарищей и даже боялся ихъ. Но потомъ, когда приглядѣлся къ ихъ жизни, когда узналъ ихъ родословную, — мнѣ стало ихъ жалко до боли. И вотъ однажды, удливъ время, я собралъ ихъ вокругъ себя человекъ пятокъ, открылъ книжку и давай читать. Ничего, слушаютъ. Да и книжка попалась занятная. еще изъ школы осталась: «Большакъ», рассказъ Круглова. На слѣдующій разъ я прочелъ имъ про Фомку-дурачка, какъ онъ на пожарѣ барченка спасъ. Эта книжка прямо понравилась ребятамъ. Дальше да больше. Вижу охотниковъ стало прибывать. Правда, паходились озорники, которые пытались разстроить наше дѣло. Помню, одинъ ужъ взрослый парень былъ недоволенъ нашимъ чтеніемъ. « Ты бы, говоритъ, читать что повеселѣе, да посмѣшнѣе, вотъ напр. какъ мужикъ на чертѣ воду возилъ, или про солдата Яшку, красную рубашку, синія дастовицы. Вотъ этотъ парень должно

быть свару хотѣлъ затѣять въ нашемъ товарищескомъ кружкѣ. Онъ страшно злился на меня за то, что я ребятъ тяну къ себѣ, а прежде они находились подъ его командой, и онъ ихъ всякимъ пакостямъ обучалъ; однако перевѣсъ остался на моей сторонѣ: онъ принужденъ былъ уступить, и дѣло наше со-всѣмъ было стало налаживаться, да вотъ бѣда, книгъ для чтенія нигдѣ не найду; всѣ, какія достались мнѣ изъ школы—изъ нашей товарищеской бібліотеки,—я перечиталъ, а особенно занятныя—по нѣскольку разъ.

— А нельзя ли устроить что нибудь на артельныхъ паяхъ,—предложилъ Пантелѣевъ, видимо тронутый рассказомъ Иванова, —нельзя ли въ складчину купить книгъ, какъ напр. дѣлается на нашей фабрикѣ? мы компаніей вынисываемъ журналы, конечно, изъ недорогихъ: кто духовный, кто свѣтскій; мы мѣняемся ими и прочитываемъ такимъ образомъ по нѣскольку журналовъ каждый.

— Такъ значить, говорю я, среди вашихъ рабочихъ фактически существуетъ то или другое умственное движеніе, явившееся плодомъ чтенія книгъ. Но я съ своей стороны желалъ бы дополнить это движеніе—движеніемъ моральнымъ. По моему не достаточно казаться начитаннымъ или развитымъ, но нужно гуманизировать свои чувства, нужно пробудить въ своей душѣ высшія струны, какъ напр. вѣру въ добро, красоту и правду, нужно быть, однимъ словомъ, свѣтлою личностью. Въ этомъ я и вижу воспитательное вліяніе хорошихъ книгъ, которыя дали намъ Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Тургеневъ, Толстой. Само собой разумѣется, что начитанный въ такомъ направленіи каждый молодой рабочій постарается внести свѣтъ и въ среду своего товарищества, которое, пусть даже, зашибается пьянствомъ, забавляется недостойными человѣка развлеченіями. Пьянствуютъ, конечно, больше праздниками. Это ужъ въ обычаѣ православныхъ людей. Рабочаго, какъ и деревенскаго крестьянина, еще съ ранняго утра тянетъ въ портерную или въ трактиръ; ну, а вы постарайтесь тянуть его въ свою компанію трезвенниковъ. Вечеромъ зовите его на публичную лекцію или въ театръ. Думаю, что такимъ путемъ вамъ удастся повліять благотворно на многихъ. Главное, постарайтесь пробудить въ себѣ добрыя чувства къ этимъ униженнымъ и оскорбленнымъ. Мы всѣ такъ дурно воспитаны, что не прочь махнуть рукой на «горькихъ пьяницъ». Это не по христіан-

ски! дайте понять «пьяницѣ», что онъ такой же человѣкъ, пробудите въ немъ чувство человѣческаго достоинства, воскресите Бога въ его сердцѣ; поддержите, ободрите при случаѣ. Вѣдь масса людей падаютъ духомъ и пускаются вовсю, только благодаря тому, что въ моментъ тяжелыхъ жизненныхъ испытаній нигдѣ не встрѣчаютъ вѣры себѣ.

Произошла довольно длинная пауза. Молодые люди задумались. Первый заговорилъ Ивановъ: „въ складчину книжекъ купить можно, — сказалъ онъ, съ обычной своей улыбкой, — соберемся нѣсколько человѣкъ и купимъ подходящихъ для себя, какихъ намъ желательно, — можно пожалуй, и товарищескій кружокъ устроить, въ родѣ «кружка чтецовъ», какъ было въ школѣ“.

— Можно, да осторожно, возразилъ скептикъ Корнѣевъ, сначала въ самихъ себѣ слѣдуетъ развить вкусъ къ чтенію; безъ него (вкуса) какъ мы можемъ понимать, какая подходящая и какая не подходящая для насъ книга? Но развить этотъ вкусъ не легко. Вотъ почему я и предложилъ бы вамъ, г.г., обратиться съ просьбой къ нашему бывшему учителю: не поможете ли по части нашего самообразованія, не укажете ли намъ наиболѣе отвѣчающія нашимъ запросамъ, стоящія книги. Откровенно говоря, мы вѣдь больше съ этой цѣлью пришли къ вамъ, пояснилъ Корнѣевъ и вопросительно остановился на мнѣ. Я отвѣтилъ пожатіемъ рукъ молодежи, и предложилъ ей поддерживать общеніе со мною посредствомъ переписки.

На этомъ и закончилась наша интересная бесѣда, произведшая на меня глубокое впечатлѣніе.

С. Кудрявцевъ.

СЛУГИ ОТЕЧЕСТВА.

(Записки изъ недавняго прошлаго-до смуты)

(*Окончаніе*).

XI.

Въ концѣ августа, послѣ кратковременной болѣзни, скончалась жена Трофима Ивановича Подпывалова, бездѣтнаго брата Самсона Ивановича, проживающаго въ Косулинѣ. Извѣстіе о кончинѣ невѣстки сначала не особенно опечалило его: по видимому, оно ускоряло получение богатаго наслѣдства, въ которомъ онъ видѣлъ полное обезпеченіе своего семейства въ матеріальномъ отношеніи, о чемъ развязно высказывался въ бесѣдахъ съ многочисленными пріятелями; онъ такъ освоился съ видами на наслѣдство, что не допускалъ и мысли о томъ, что какая-нибудь случайность можетъ лишить его обогащенія.

Однажды онъ пріѣхалъ ко мнѣ посоветоваться, обмѣняться взглядами на событія, измѣнившія его положеніе въ родительскомъ домѣ.

— Вотъ и братъ у меня овдовѣлъ. Теперь что жъ ему? Надо покой, уединеніе, келья... подалше отъ мірскихъ суетъ, говорилъ Самсопъ Ивановичъ.

— Вы полагаете, что онъ уйдетъ въ монастырь? спросилъ я.

-- А почему бы и не уйти подалше отъ соблазновъ?

— Но вѣдь онъ такъ молодъ... сколько ему лѣтъ?

— Сорокъ одинъ.

— Вотъ видите ли... Онъ еще вовсе не старъ, можетъ быть, жениться вздумаетъ?

— Жениться?! удивленно произнесъ Самсонъ Ивановичъ и неожиданный испугъ отуманилъ его лицо. Онъ такъ былъ ослѣпленъ надеждою на скорое обогащеніе наслѣдствомъ, что подобная мысль не раждалась въ его умѣ, и, будучи подсказана мною, какъ лютаѣ змѣѣ ужалила его въ сердце.

— А по чему же и нѣтъ?

— Жениться ему нѣтъ никакого смысла... Что ему за нужда въ женитьбѣ? Слава Богу, есть кому успокоить его старость... Я самъ... наконецъ дѣти мои не забудутъ дядю...

— Да это съ вашей точки зрѣнія, Самсонъ Ивановичъ; но такъ ли онъ самъ посмотритъ на вещи?

— Несомнѣнно. Я-то знаю: брать ни за что не женится. Сами посудите: зачѣмъ ему жениться? только развѣ на одинъ грѣхъ? позоръ?

— Какой же грѣхъ и позоръ?

— Да вѣдь кто знаетъ: покойная ли жена его была бесплодна, или онъ самъ? Если онъ бесплоденъ, то пожалуй люди наплодятъ семью, а онъ и корми чужихъ дѣтей.

— Почему же вы полагаете, что люди наплодятъ? У насъ въ мѣстности нравы строги, особенно въ деревенской жизни: нѣтъ гулякъ и пьяницъ.

— Я-то знаю—все можетъ быть. Ему жениться не слѣдуетъ. Вѣроятно, онъ обратится ко мнѣ за совѣтомъ на этотъ счетъ; постараюсь отклонить его отъ такого рискованнаго шага. Онъ меня послушаетъ.

— Постарайтесь. Только я не ожидаю успѣха... Вы плохо знаете вашего брата.

— Я плохо знаю моего брата? вотъ ужъ не ожидать отъ васъ, Алексѣй Григорьевичъ, такого заключенія. Мой братъ—прекрасный, разумный, расчетливый человекъ, какого днемъ съ фонаремъ не сыщете, возразилъ Самсонъ Ивановичъ и подумалъ: «не слишкомъ ли похвально я отозвался о Трофимѣ? за нимъ водятся изрядные грѣшки»...

— Сказать вамъ откровенно—кто вапъ братъ?

— Говорите.

— Это эгоистъ, какого я еще не видывалъ. Человекъ безъ всякаго состраданія къ бѣдняку, попавшему къ нему въ лапы; какъ паукъ, сосетъ несчастнаго, выжимаетъ изъ него всѣ соки; скаредъ—едва ли не равносильный Плюшкину. И какая страсть обнаруживается въ немъ къ поживѣ вообще и

къ приобрѣтенію денегъ въ особенности! Если увидить у кого-нибудь въ рукахъ деньги, огоньки заблистають въ глазахъ, самъ весь затрясется. Какъ тяжело отдать ему сдачу съ двух-гривеннаго, который подаетъ ему баба за фунтъ. постнаго масла! Въмѣсто пяточка сдачи онъ ей настойчиво предлагаетъ и спичекъ, и калачей, и ленточекъ, и иголокъ, и булавокъ, и табаку — и всего, кромѣ денегъ; а послѣднія подаетъ только тогда, когда баба упорно отказывается отъ навязываемыхъ ей ненужныхъ вещей. Сладить вамъ, Самсонъ Ивановичъ, съ такимъ братомъ едва ли удастся.

— Миѣ кажется, Алексѣй Григорьевичъ, вы ужъ слишкомъ густую тѣнь набросили на характеръ брата; но сознаю въ вашихъ словахъ много правды: склонность его къ наживѣ и безпощадность къ безвыходному положенію ближняго мною тоже подмѣчены; только я не полагалъ, что они овладѣли имъ въ такой степени, какъ вы говорите. Это ужасно.

— Вѣроятно, вамъ представится случай лично убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, если у васъ возникнутъ какіе-нибудь счеты.

— Откровенность рождаетъ откровенность. Бесѣда съ вамп навела меня на раздумье. Вчера я взялъ у брата четверть фунта табаку въ лавкѣ и подаль ему двадцать пять копеекъ. Что жъ вы думаете? взялъ деньги за табакъ!

— Я въ томъ не сомнѣвался.

— Миѣ что-то недоброе померещилось въ его поступкѣ. Взять деньги съ родного брата за четвертку табаку недоброе совѣстно, стыдно. Вѣдь, строго говоря, и моя доля есть въ его лавочкѣ: у насъ не было формальнаго раздѣла по смерти отца. И къ чему дѣлиться? думалъ я: братъ бездѣтенъ, воздерженъ, не проживетъ отцовскаго имущества; такой сконидомъ еще увеличить его.

— Онъ и увеличилъ во много разъ отцовское наслѣдіе; кромѣ того открылъ торговлю въ мѣстности, разбогатѣлъ купцомъ себя величаетъ. Въ лавочкѣ-то едва ли онъ считаетъ васъ участникомъ, она открыта имъ послѣ смерти вашего отца.

— Точно; но я вѣдь ссудилъ его деньгами на первоначальное обзаведеніе. Всѣ свои сбереженія отъ жалованья отдавалъ ему; я же подаль ему мысль объ открытіи торговли въ мѣстности; надѣялся, что все устроится къ общей пользѣ:

населенію не нужно будет за десятки версть ѣздить въ городъ за всякими пустяками, намъ съ братомъ убытка не будетъ; онъ человекъ трезвый, воздержный, на мои деньги пріобрѣтеть хорошій процентъ, ведя добросовѣстную торговлю безъ кулачества.

— Позвольте, Самсонъ Ивановичъ; вы говорите — ссудили деньгами брата на первоначальное обзаведеніе, отдавали свои сбереженія отъ жалованья... Неужели при такомъ семействѣ вамъ удавалось что-нибудь сберегать отъ жалованья?

— Дѣло въ томъ, что покойный отецъ и братъ Трофимъ доставляли мнѣ продукты съ дому: муку, рыбу, масло, мясо, яйца—все это у нихъ было свое, некупленное; а я имъ иногда почти цѣлкомъ передавалъ мое жалованье.

— Другими словами: вы покупали продукты у отца и брата?

— Пожалуй, похоже и на это. Только у насъ счетовъ никогда не было. Я бралъ у нихъ все, что требовалось для семейства, а имъ отдавалъ деньги, если они у меня случались.

— Да, между родными такъ часто водится. Какъ знать, можетъ быть, и между вами все обойдется къ общему благополучію.

— Но если братъ женится, мнѣ не поздоровится.

XII.

Около пятнадцати лѣтъ тому назадъ, Трофимъ Ивановичъ ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго косулинскаго крестьянина. Носилъ пестрядинную домотканную рубашку, кубовые холщевые порты, обыкновенные прошивные сапоги, войлочную шляпу, псукманный армякъ или свиту, которая въ послѣднее время все болѣе и болѣе замѣняется въ мѣстности пиджакомъ, и обыкновенный холщевый кушакъ. Занимался, какъ и всѣ косулинцы, обработкой земли, пахалъ и сѣялъ, молилъ и вѣялъ, косилъ сѣно, а въ свободное отъ полевыхъ работъ время ловилъ рыбу. Онъ былъ грамотный; любилъ потолковать съ Самсономъ Ивановичемъ обо всемъ, спрашивалъ брата о томъ, гдѣ какіе люди живутъ, чѣмъ занимаются, отчего богатыютъ. Самсонъ Ивановичъ обо всемъ рассказывалъ увлекательно. Трофимъ внимательно вслушивался въ его рѣчи, а иногда и обращался къ нему съ вопросомъ: «Отчего бы, знаешь, и намъ, братецъ, не попробовать заяться инымъ дѣломъ,

кромѣ земледѣлія и рыболовства? Отчего бы, напримѣръ, не заняться, знаешь, торговлей?» — Самсонъ Ивановичъ отвѣчалъ, что для веденія торговли нужны деньги, которыхъ у нихъ нѣтъ. «Какъ иѣтъ денегъ?» возразилъ Трофимъ: «вѣдь ты каждый мѣсяцъ получаешь болѣе двадцати пяти рублей? Дай мнѣ, знаешь, рублей двадцать, и я начну дѣло. Такое тебѣ колесо разверну, что только головой покачаешь». — «Посмотримъ», отвѣчалъ Самсонъ Ивановичъ и далъ брату около двадцати пяти рублей.

Теперь Трофиму во снѣ и наяву грезились барыши, и только барыши: объ убыткахъ не могло быть и рѣчи: онъ такъ сьумѣетъ поставить дѣло. И дѣйствительно мастерски повелъ торговлю: выручалъ *баниш на банш*, какъ самъ онъ выражался, т. е. наживалъ сто на сто въ самое короткое время. Въ началѣ іюля, когда бываетъ въ мѣстности сѣнокосъ въ самомъ разгарѣ, а хлѣбные запасы обывателей истощаются, Трофимъ лккуетъ: всякому нужны деньги на хлѣбъ, а гдѣ взять ихъ? Надо просить нуждающемуся Трофима Ивановича, чтобы онъ купилъ только-что скошенное и высушенное сѣно, или далъ бы муки въ обмѣнъ на послѣднее. И Трофимъ готовъ къ услугамъ. Лѣтомъ скупаютъ все запасное сѣно въ мѣстности, сухое, прямо съ луга, по 8 или 10 копеекъ за пудъ, а весною продаетъ его по двадцати-пяти и тридцати копеекъ. Онъ также скупаютъ осенью овесъ у сосѣдей по одному рублю восьмидесяти копеекъ за четверть, а весной продаетъ его по три рубля и по четыре. Пользуясь затруднительными обстоятельствами жителей, скупаютъ у нихъ за безцѣнокъ различные вещи: сѣти, ткани, овчины, яйца, масло...

Года черезъ два-три Трофимъ скинулъ съ себя крестьянское платье, пересталъ заниматься земленашествомъ, одѣлся въ пальто, брюки на выпускъ, сапоги съ калошами, открылъ въ Косулинѣ хлѣбную и мелочную торговлю, зажилъ на помѣ. «Колесо свое» онъ развѣтывалъ все шире и шире: запугалъ въ сѣти не только окрестныхъ крестьянъ, но и помѣщиковъ, проживавшихъ достояніе предковъ и лично ничего не дѣлавшихъ: скуналъ у нихъ за безцѣнокъ земли съ лѣсомъ; послѣдній выгодно продавалъ крупнымъ лѣсопромышленникамъ. Въ настоящее время онъ уже не можетъ управляться одинъ съ торговыми дѣлами и держитъ двухъ приказчиковъ.

По наружному виду онъ имѣетъ мало сходства съ Самсономъ Ивановичемъ: небольшого роста, съ широкой лысней

на головѣ, курносый, съ плутоватыми глазами, онъ только цвѣтомъ кожи напоминаетъ брата; по виду кажется моложе его, хотя на самомъ дѣлѣ двумя годами старше.

По смерти жены Трофимъ остался въ своемъ домѣ одинокимъ; съ нимъ жила еще одна старушка тетка, сестра его отца, которая завѣдывала кухней, присматривала за скотомъ, доила коровъ, замѣняла собою и хозяйку дома и прислугу. Но иногда такіе хлопоты для старухъ были непосильны, и она роптала на скудость племянника, считавшаго невыгоднымъ держать наемную работницу. Семейныя дѣла въ такомъ положеніи не могли долго оставаться. Тетка совѣтовала племяннику поскорѣе жениться; мнѣніе ея раздѣляли и другіе родственники, кромѣ Самсона Ивановича. Послѣдній старался дать понять брату, что въ его лѣта женитьба опасное дѣло: могутъ появиться ребятишки, а возиться съ ними подъ старость не особенно пріятно; что къ услугамъ брата готовы его собственные дѣти. «Что мнѣ твои дѣти»? однажды возразилъ Трофимъ: «я желаю, знаешь, заpastись своими». Учитель прикусилъ языкъ. Женитьба брата стала вопросомъ рѣшеннымъ. Оставалось посовѣтоваться о выборѣ невѣсты. Онъ предложилъ посвататься за дочь одного бобыля, бывшую свою ученицу, дѣвушку лѣтъ двадцати двухъ. Трофимъ на ней женился. Разъ, встрѣтившись съ Самсономъ Ивановичемъ, я спросилъ его: почему онъ посовѣтовалъ брату жениться на молодой дѣвушкѣ? вѣдь въ его положеніи несравненно выгоднѣе было бы женить брата на женщинѣ лѣтъ сорока? Онъ отвѣчалъ: «Такой женщины не нашлось; а эта дѣвушка, какъ бывшая моя ученица, будетъ мнѣ благодарна, что я устроилъ ея счастье; она еще больше привяжется ко мнѣ и моему семейству; а если у нихъ дѣтей не будетъ, она по смерти брата передастъ все имѣніе моимъ дѣтямъ», — „Странно вы разсуждаете: нельзя знать — кто прежде умретъ. «Молодостью не живутъ, старостью не умираютъ», говоритъ пословица; къ тому же привязанность учениковъ къ учителямъ съ годами ослабѣваетъ; а если у нихъ возникаютъ счеты, когда выгоды одного не сопрягаются съ выгодами другого, переходитъ иногда даже въ нецрїязнь — рассчитывать на нее особенно не слѣдуетъ.“ — «Сказать вамъ на ушко: мнѣ думается, Алексѣй Григорьевичъ, у брата дѣтей не будетъ и отъ второго брака.. Кажется, онъ безплоденъ; и молодая жена его, какъ я узналъ послѣ свадьбы, не особенно

здорова... Поговариваютъ, едва ли она не въ чахоткѣ». — «Какъ же вы допустили брата жениться на ней?»

— «Говорю вамъ, узналъ обо всемъ послѣ брака».

Невольно припомнились мнѣ слова Самсона Ивановича, произнесенныя нѣкогда въ Косулинѣ, куда я отвозилъ его на собственной лошади: «и вотъ все это вымереть (подъ *все это* подразумѣвались братъ и невѣстка), а дѣмъ этотъ достанется мнѣ. Въ верхнемъ этажѣ помѣщусь съ семействомъ, въ нижнемъ устрою классы, и буду поживать на покоѣ». Теперь же на наслѣдство отъ брата у него осталось мало надежды. Трофимъ иногда даже началъ косо посматривать на него, при всякомъ удобномъ случаѣ давалъ понять, что въ совѣтахъ его не нуждается, и что если Самсонъ Ивановичъ порѣже будетъ навѣщать его, жаловаться на то не будетъ. Замѣтивъ охлажденіе Трофима, Самсонъ Ивановичъ иногда намекалъ брату, что пора бы имъ *сосчитаться*, а разъ даже прибавилъ «и раздѣлить отцовское имѣніе». Произошла сцена.

— „Какое, знаешь, имѣніе? возразилъ Трофимъ.

— „Отцовское, голосомъ, не допускающемъ сомнѣнія отвѣчалъ учитель.

— „Отцовское? гдѣ же, знаешь, отцовское имѣніе?

— „Тебѣ лучше знать: ты оставался при отцѣ; я пятнадцати лѣтъ ушелъ изъ дому.

— Отцовскаго имѣнія, знаешь, у меня нынче только одно гумно да старая баня. Остальное я самъ нажилъ.

— Но, вѣдь я-то знаю: послѣ отца осталась пара лошадей, три коровы, четыре овцы, восемь куръ, двѣ телѣги, дровни и сани, словомъ—цѣлое хозяйство; небогатое, правда, а всетаки хозяйство, даже по-крестьянски не бѣдное.

— Вотъ ты все запомнилъ; а не запомнилъ, знаешь, того, что стоили похороны и поминки отца: за одинъ сорокоустъ я заплатилъ полсотни рублей! А поминальные обѣды стоили тоже не мало.

— Кто тебѣ велѣлъ платить за сорокоусты? ты сдѣлалъ это по своему желанію... Я-то знаю.. и оплачивай своими средствами; а мою долю подай! у меня, братъ, семейство: надо его напоить, накормить, обути, одѣть, уму-разуму научить.

— Я чѣмъ виноватъ, что у тебя семейство? у меня, знаешь, тоже есть семейство, по я не выпрашиваю помощи...

— И я не помощи прошу, я требую свою часть наслѣдства.

— Нѣтъ, ты подговариваешься къ моему имѣнію, подплываешь, знаешь, незамѣтно... Самъ бариномъ живешь... спишь до девяти часовъ. Жена бѣлоручка, знаешь, прислугу ей надо; дѣти, кромѣ книжки, ничѣмъ не занимаются... тоже барчата, знаешь... Съ барами на охоту развѣзжаешь. Ну, и барствуй; меня не шевели, я тебя, знаешь, не трону. Отчего другіе учителя не *барятся*? Вопъ Пахаревъ—изъ родительскаго дому вышелъ, ничего не взявши, а домъ-то былъ побогаче нашего. Зимой въ школѣ занимается, а лѣтомъ работаетъ на поляхъ больше любого мужика, знаешь. Вотъ и свой домъ нажилъ, и собственную землю. Жена и дѣти тоже не барствуютъ, до поту лица работаютъ. Ужь ему не нужно; знаешь, выпрашивать у брата; онъ, пожалуй, еще ему поможетъ. А ты, знаешь, все на готовое привыкъ... Покормилъ тебя, да и будетъ.

— Трофимъ, прошу не оскорблять меня! когда ты меня кормилъ?

— А каждый годъ, знаешь, мы съ отцомъ доставляли тебѣ хлѣбъ, рыбу, масло, яйца; на зиму, знаешь, приводили къ тебѣ свою корову и привозили ей кормъ. Вотъ—что.

— Это отецъ дѣлалъ, а не ты.

— Но наживалъ-то я, знаешь; отецъ былъ старъ, самъ нуждался въ присмотрѣ за нимъ.

— За все, что вы доставляли мнѣ, я уплатилъ, можетъ быть, вдвое.

— Такъ ли, знаешь?

— Именно такъ. Я иногда цѣликомъ отдавалъ жалованье. Ты и торговать-то началъ на мои деньги. Я-то знаю. Но я бы, такъ ты и теперь бы щи лаптемъ хлѣбалъ. Кто тебя купцомъ-то сдѣлалъ?

— Богъ да добрые люди.

— То-то Богъ... а брата-то забылъ?

— Нисколько, знаешь, не забылъ. Братъ давалъ мнѣ иногда рублей по десяти, знаешь, пятнадцати и больше; а у меня брать хозяйственныя запасы, знаешь, рублей на двадцать, на тридцать, а иногда па пять, на три... ничѣмъ не брезговалъ, знаешь; трудно сказать, кто кому долженъ: я ли тебѣ, ты ли мнѣ. Ты вотъ пробарствовалъ жизнь-то, ничего

не нажилъ, увидѣлъ, что братъ богатъ, знаешь, и хочешь вклепаться въ его нажптки... подплываешь изъ далека, знаешь. Только — шалишь, не на того наѣхаль. Мы стоимъ за себя.

Самсонъ Ивановичъ вспылить, наговорить дерзостей брату, пригрозилъ земскимъ начальникомъ, «дѣйствительно прекраснымъ человѣкомъ», его пріятелемъ, сказалъ, что у него въ домѣ больше оставаться не можетъ.

— Вовсе не нуждаемся, знаешь, въ тебѣ: уплывай, куда хочешь, сказалъ Трофимъ.

Самсонъ Ивановичъ пріѣхаль ко мнѣ разстроеннымъ, униженнымъ. Онъ злился на брата, хотя и понималъ, что послѣдній сказалъ ему много правды, самой сущей правды. Это особенно сокрушало и унижало учителя въ своихъ собственныхъ глазахъ. Онъ плакалъ, какъ ребенокъ, съ трудомъ мнѣ удалось его успокоить. Особенно тяжело ему было то, что братъ будто не зналъ, что Самсонъ Ивановичъ былъ безкорыстный человѣкъ: во всѣхъ матеріальныхъ расчетахъ всегда склонный уступить въ пользу ближняго.

На другой день онъ рѣшился еще разъ заѣхать къ брату. Произошла бурная сцена. Собрались ближайшіе родственники, съ трудомъ примирили братьевъ. Трофимъ обязался выплатить Самсону Ивановичу тысячу рублей въ пять лѣтъ, съ условіемъ, чтобы послѣ этого ни тотъ, ни другой не предъявляли претензій другъ къ другу.

XIII.

На рождественскихъ капикулахъ я побывалъ въ городѣ, зашелъ въ гостинницу «Золотой Якорь» выпить чаю.

— Нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь изъ сельскихъ учителей? спросилъ я у прислуги.

— Есть господа Подплываловъ, Ячейкинъ, и другіе — въ третьемъ номерѣ. Они васъ вспоминали. Приказали просить къ нимъ, если пожалуете.

— Алексѣй Григорьевичъ! желанный гость! милости просимъ, привѣтствовали меня наперерывъ добрые сотрудники.

— Вотъ что, господа, началъ Самсонъ Ивановичъ; ученики собрались, учителя нѣтъ. Пошлите извозчика за учителемъ.

— Здѣсь, кажется, все учителя.. за какимъ учителемъ? спросилъ одинъ изъ молодыхъ.

— За Пахаревымъ. Опъ нашъ учитель во многомъ. Молодецъ онъ у насъ настоящій—сила, нравственная сила, друзья, восторженно восклицалъ Самсонъ Ивановичъ.

Въ числѣ гостей дѣйствительно было нѣсколько чело-вѣкъ непосредственныхъ учениковъ Пахарева, да и всѣ мы привыкли какъ-то считать его старѣйшимъ, съ уваженіемъ от-посились къ нему. Только меня нѣсколько удивило, что Самсонъ Ивановичъ первый предложилъ послать за нимъ извоз-чика: прежде онъ не особенно благоволилъ «старѣйшему», со-перничалъ съ нимъ.

— Опъ въ своемъ поселкѣ. Зимней дорогой всего ка-кихъ-нибудь пятнадцать верстъ отъ города. Извозчикъ живо его примчитъ, продолжалъ Подплываловъ.

— Отлично выдумано, отвѣтило нѣсколько голосовъ.

Настрочили записку, собрали семьдесятъ пять копеекъ на извозчика и послали. Въ номерѣ было довольно шумно и весело. Около дюжины порожнихъ бутылокъ изъ-подъ пива стояли на полу подъ диваномъ; графишь съ водкой и двѣ бу-тылки пива на столѣ, а на другомъ шипящій самоваръ.

— Стаканчикъ чайку съ нами, Алексѣй Григорьевичъ. пожалуйста-ка сюда, приглашалъ Самсонъ Ивановичъ. Вы за-мѣчаете, что я сегодня въ какомъ-то особомъ настроеніи... Мнѣ хочется высказаться откровенно. Братъ Трофимъ однаж-ды называлъ меня бобылемъ, бариномъ. Отчасти опъ, можетъ быть, и правъ. Опъ въ образецъ поставилъ мнѣ Пахарева, Иванъ Ильичъ, конечно, молодецъ—много потрудился, хоро-шо устроился; по вѣдь у него, сами знаете, обстоятельства сложились благопріятнѣй—дѣтей вдвое меньше моего. Кстапи я предъ нимъ виноватъ. Разъ мы были съ нимъ у инспекто-ра. Опъ жаловался, что у него нѣтъ удобной комнатки при училищѣ: квартира отдѣлена отъ класса досчатой перегородкой, а не капитальной стѣпой; такъ нельзя ли дескать сдѣлать пристрѣчку. Инспекторъ отвѣчалъ, что средствъ нѣтъ на при-стройку. Пахаревъ возразилъ: «а вѣдь вотъ для квартиры Самсона Ивановича пашли же средства—чудную ему квар-тирку устроили». А меня словно бѣсъ дернулъ: «наплодите-ка столько дѣтей, сколько у меня!» сказалъ я ему. Опъ огорчил-ся и воскликнулъ: «мнѣ не до дѣтей, мнѣ самому негдѣ от-дохнуть, а вѣдь я служу двадцать пять лѣтъ.» Признаюсь, мнѣ стало неловко.— По возвращаюся къ прерванному. Трофимъ

упрекалъ меня, говоря: «вотъ Пахаревъ — ничего не взялъ изъ родительскаго дома, самъ все нажилъ». Въ самомъ дѣлѣ, не правъ ли Трофимъ? До настоящаго года всѣ лѣтніе каникулы у меня обыкновенно проходили въ развлеченияхъ. Весною нынѣшняго года я положилъ начало пасѣкѣ. Результаты получились блестящіе. Отъ двухъ семей я приобрѣлъ новыхъ три и около полутора пуда меду. А какъ интересно провелъ лѣто! вполне испыталъ сладость труда, дѣйствительную сладость. Нѣкоторые изъ пчеловодовъ въ сосѣднихъ уѣздахъ уже получаютъ сотъ по пяти рублей со своихъ пасѣкъ. Я-то знаю. Да вотъ и нашъ Ячейкинъ зарабатываетъ около двухсотъ рублей. Польза пчеловодства очевидна. Я рѣшился построить домъ въ Косулинѣ, и тамъ устроить пасѣку. Мѣстность тамъ самая выгодная для пчеловодства. На успѣхъ вполне можно рассчитывать, успѣхъ вѣрный. Я-то знаю. Братъ Трофимъ обязался выплатить мнѣ тысячу рублей въ пять лѣтъ. Въмѣсто того я поручилъ ему выстроить для меня приличный домъ на роднѣ. У него свои лѣса, за постройку тоже не передастъ лишняго. Самъ же я не опытенъ въ этихъ дѣлахъ. Вотъ и не буду бобылемъ — буду имѣть собственный домъ, работать на пасѣкѣ.

— Поздравляю васъ, Самсонъ Ивановичъ, дай вамъ Богъ успѣха, замѣтилъ я.

— Успѣхъ по пчеловодству не сомнѣненъ. Я-то знаю. Я намѣренъ при домѣ разбить садъ плодовый — тоже статья доходная. А съ пчеловодствомъ я въ одно лѣто настолько познакомился, что просилъ директора семинаріи Задуваева устроить при моемъ училищѣ въ лѣто будущаго года курсы для окончившихъ учениковъ: будемъ распространять пасѣки въ мѣстности, кормить людей медомъ. Прошлаго года курсы по пчеловодству велъ Ячейкинъ: у него собралось около пятнадцати курсантовъ. Одному и трудновато, пожалуй, справиться съ такимъ числомъ неподготовленныхъ слушателей, къ тому же ученикамъ моимъ посѣщать курсы Ячейкина неудобно за дальностью разстоянія. Вотъ я и предлагаю Задуваеву устроить такіе курсы при моемъ училищѣ. За веденіе ихъ полагается руководителю тридцать рублей и, кромѣ того, по три рубля съ каждаго ученика, основательно познакомившагося съ пчеловодствомъ. У меня соберется чедовѣкъ семь. Въ успѣхѣ не сомнѣваюсь,

— Доброе дѣло; начпнайте-ка, Самсонъ Ивановичъ, начпайте. Ну, а что о пенсіи для нашего брата вамъ не пишутъ? У васъ вѣдь вездѣ много пріятелей, замѣтилъ я.

— Какже, какже, пишутъ. Катилловъ недавно извѣстилъ меня, что пенсія сельскимъ учителямъ—вопросъ рѣшенный: проектъ выработапъ въ министерствѣ и поступилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Всѣ мы будемъ пристроены подъ старость. Иначе и быть не должно. Мы всѣ силы отдаемъ на служеніе государству, земству, обществу; а они должны успокоить папу старость, дать нашимъ дѣтямъ образованіе на казенный счетъ. Вы конечно, знаете, что въ нашемъ губерпскомъ городѣ «обществомъ взаимнаго вспомошествованія учившямъ и учащимъ въ начальныхъ школахъ» устроилъ интернатъ, общежитіе для дѣтей сельскихъ учителей, дѣйствительныхъ членовъ общества; учитель, помѣщающій сына въ интернатъ, кромѣ трехрублеваго членскаго взноса, обязанъ вносить не менѣе шестидесяти рублей ежегодно на содержаніе сына въ общежитіи; кромѣ того, приготовить одежду, бѣлье, обувь, книги—все на свой счетъ.

— Тогда, Самсонъ Ивановичъ, содержаніе ученика въ интернатѣ обойдется рублей въ сто-восемьдесятъ, а то и въ двѣсти. А я самъ получаю только двѣсти рублей жалованья; если отдать его на содержаніе сына, чѣмъ буду самъ кормиться съ женою и остальными ребятишками? замѣтилъ одинъ изъ учителей: интернатъ для насъ мало полезенъ—бѣднымъ учителямъ содержать въ немъ дѣтей невозможно, средствъ не хватитъ.

— Надо какъ-нибудь устраиваться, возразилъ Подпльваловъ: у меня старшему сыну нынѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ. Я намѣренъ опредѣлить его въ классическую гимназію, содержаться онъ будетъ въ интернатѣ общества взаимнаго вспомошествованія. Слѣдующему по возрасту десять лѣтъ. Черезъ годъ хочу и этого въ гимназію, но уже на казенный счетъ. Катилловъ пишетъ мнѣ: «всѣ ваши дѣти будутъ опредѣлены въ гимназію на казенный счетъ... Клянусь вамъ». Дальше онъ такъ и катитъ словами присяги.

Въ началѣ декабря посѣтилъ ввѣренное мнѣ училище самъ помощникъ попечителя округа. Я просилъ пристроить моихъ дѣтей въ учебныя заведенія. Онъ отвѣчалъ: «не безпокойтесь, всѣ ваши дѣти будутъ опредѣлены въ гимназіи на казенный счетъ»,

— Вамъ везетъ какъ-то, Самсонъ Ивановичъ; высшее начальство благоволило вамъ; не удивительно, что ваши дѣти будутъ пристроены; а что станется съ дѣтьми большинства учителей, которые не въ состояніи даже содержать ихъ въ интернатъ? замѣтилъ я.

— Надо хлопотать, просить начальство, дѣйствовать надо. Мы работаемъ для государства — пусть оно и устраиваетъ нашихъ дѣтей.

Можетъ быть, Самсонъ Ивановичъ долго бы развивалъ планы будущаго, но прибытіе Пахарева помѣшало ему.

— Ура, Ивапъ Ильичъ, воскликнуло общество, какъ только Пахарева показался въ дверяхъ — браво, браво!

Его подхватили и качали на рукахъ, а затѣмъ каждый заключалъ его въ свои объятія .. съ трудомъ освобождался новопривышій отъ дружескихъ тисковъ, повторяя: «довольно, братцы, довольно .. дайте вздохнуть свободно. Я полагаю, что вы уже немножко покутили Пусть же будетъ это общая пирушка. Пусть кушаютъ, кто что желаетъ: кто водку, кто пиво, кто чай, а платить будемъ всѣ поровну.

— Ура! опять произнесли сотоварищи.

Мы пробыли въ гостинницѣ нѣсколько часовъ. И о чемъ только тутъ не разсуждали! По счету гостинницы каждому изъ насъ пришлось уплатить по семидесяти пяти копеекъ.

XIV.

Въ началѣ сентября слѣдующаго года случилось мнѣ быть въ нашемъ уѣздномъ городѣ. Ясный день склонялся къ вечеру, Пароходъ только что привалилъ къ пристани, гдѣ толпилось много народу.

— Алексѣй Григорьевичъ, окликнулъ меня знакомый голосъ.

Я обернулся.

— Здравствуйте, съ восторженной улыбкой привѣтствовалъ меня Самсонъ Ивановичъ: я сейчасъ только возвращаюсь изъ двухнедѣльнаго странствованія по святой Руси: побывалъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Видѣлся съ Лаврентьемъ Михайловичемъ Катилковымъ... Ну, батенька, у него кажется царь-то въ головѣ дѣйствительно того, такія несообразности несетъ .. Ему кажется, давно бы пора въ больницу. Впрочемъ, меня онъ принялъ очень радушно: далъ рекомендательныя письма къ высшему начальству. Здѣсь, на

улицѣ неудобно распространяться о моихъ приключеніяхъ, пойдемте въ гостинницу.

Черезъ полчаса мы уже сидѣли въ гостинницѣ «Золотой Якорь». Самсонъ Ивановичъ былъ наверху счастья; не могъ нахвалиться своими удачами въ жизни. Онъ теперь уже глядѣлъ свысока не только на сотрудниковъ-учителей, но и на людей, его облагодѣтельствовавшихъ: Катилова, Задуваева и другихъ, передъ которыми онъ прежде такъ смирялся. Онъ потребовалъ двѣ бутылки пива.

— Ну, Алексѣй Григорьевичъ, поздравьте меня съ полнымъ успѣхомъ: старшій сынъ мой дѣйствительно прекрасно выдержалъ вступительный экзаменъ въ классическую гимназію. Онъ въ русскомъ диктантѣ не сдѣлалъ ни одной ошибки. Правда, не могъ разобрать даннаго ему предложенія; но не онъ виноватъ въ томъ—виноватъ учитель, т. е. я, потому что въ разборѣ предложеній мало его упражнялъ, при чемъ не употреблялъ грамматическихъ терминовъ, замѣнялъ ихъ другими, болѣе понятными для дѣтей; по это пустяки: онъ скоро усвоитъ термины; сущность построенія рѣчи ему извѣстна.. Онъ дѣйствительно прекрасно будетъ учиться. Просмотрѣвъ его работу, учитель сказалъ: «жаль намъ отпустить такого ученика, хотя и ничего онъ не сказалъ при разборѣ предложенія». При рѣшеніи арифметической задачи немного запутался, но потомъ поправился. Помѣстилъ его въ интернатъ общества взаимнаго вспоможенія учившимъ и учащимъ въ начальныхъ школахъ, обязавшись вносить ежегодно по шестидесяти рублей. На будущій годъ буду хлопотать о переводѣ его на казенный счетъ, на стипендію, а другого сына помѣщу въ интернатъ.

Въ губернскомъ городѣ я пробылъ около недѣли. Со мною были рекомендательныя письма Подпольникова къ его брату, служащему въ одномъ изъ учрежденій, также и другимъ лицамъ, вамъ вовсе неизвѣстнымъ. Это дѣйствительно дѣятели, энергичные, никого не боятся.

— Дѣятели по какой отрасли труда и знанія, позвольте узнать.

— По переустройству общественнаго порядка.

— Не могу васъ понять. Потрудитесь высказаться опредѣленнѣе.

— Это тайные дѣятели.. Имѣютъ свою типографію, не-

чатаяють брошюры нецензурнаго содержанія; дѣйствительно за- жигательныя вещи... Братъ Подпольникова одинъ изъ самыхъ ярыхъ.

— Иначе, люди эти, насколько догадываюсь, желаютъ подорвать довѣріе къ правительственнымъ учрежденіямъ и ува- женіе къ законамъ имперіи?

— Дѣйствительно такъ. Я-то знаю.

— Что съ вами, Самсонъ Ивановичъ? Если бы кто-ни- будь другой сказалъ мнѣ, а не вы сами, что входите въ сно- шенія съ людьми, неблагонадежными въ политическомъ отно- шеніи, я не могъ бы повѣрить.. Вы такой преданный слуга Престолу и Отечеству, какимъ я привыкъ васъ видѣть, зна- комитесь съ такими личностями! Не клевете ли ужъ вы сами на себя? не съ ума ли вы спятили?

— Ничуть. Я дѣйствительно познакомился съ ними. «Ласковое дитя семи матокъ сосеть, а постылое ни одной», говоритъ русская пословица. Отчего бы мнѣ не пососать и этой матки, спрятавшейся въ темные углы? Во-первыхъ ин- тересно знать, что они пишутъ, и почему ихъ книги не одо- бряются цензурой, а нишуть они очень забористо: никого не щадятъ. Правду такъ и рѣжутъ, дѣйствительную правду. Во- вторыхъ изучать подпольную литературу даже необходимо сельскому учителю, чтобы онъ успѣшнѣе могъ бороться съ врагами отечества, этими самыми темными личностями. Не желаете ли прочесть что-нибудь изъ ихъ твореній? Я захва- тилъ десятка два брошюръ съ собою.

— Нѣтъ. Мнѣ и цензурныхъ книгъ не перечитать во всю жизнь. Зачѣмъ же портить себѣ кровь и раздражать мозгъ идеями крайности? Мнѣ думается, сельскій учитель долженъ быть здоровъ во всѣхъ отношеніяхъ; на совѣсти его не должно лежать ни одно темное пятно. Онъ все долженъ дѣлать от- крыто, ничего тайнаго или загадочнаго, онъ долженъ пропо- вѣдывать на кровляхъ, а слѣдовательно—ему нѣтъ нужды зна- комиться съ подпольною литературой.

— Допустимъ, въ вашемъ мнѣніи есть доля правды. А всетаки иногда пріятно раздражать мозгъ, какъ вы выразились, поволновать себя немножко, даже подвергнуться опасности пострадать за идею. Знаете ли, что случилось со мной въ эту поѣздку? Остановился я на ночлегъ въ городѣ N, чтобы на другой день навѣстить директора семинаріи Задуваева. Часовъ

въ восемь вечера привалился на диванъ, досталъ одну изъ брошюръ и читаю себѣ. Комнатка, въ которой я былъ, отдѣлялась отъ сосѣдней досчатою перегородкой. Слышу. въ ней раздается какой-то шепотъ. Посмотрѣлъ въ щелку и что же? съ квартирной хозяйкой разговариваетъ о чемъ-то жандармъ. Признаюсь, я дѣйствительно струхнулъ. «Ну, думаю, вѣроятно онъ выслѣдилъ меня въ губернскомъ городѣ, когда я отдавалъ визитъ Подпольникову, и слѣдить за мною... Вотъ вотъ войдетъ въ мою комнату и скажетъ: «а какія вы книжки везете? и давно ли знакомы съ Подпольниковымъ»? За послѣднимъ зорко наблюдаютъ. Вдругъ жандармъ царапнетъ, думаю: «за мной, скажетъ, пожалуйста!» Но, слава Богу, все обошлось благополучно. Онъ не заходитъ ко мнѣ.

На другой день я посѣтилъ директора Задуваева. Какъ радушно принялъ меня! благодарилъ за присланный мною ему отчетъ по веденію пчеловодства и распространенію его между крестьянами. Вѣдь вы знаете, что пчеловодствомъ занимаюсь всего второе лѣто, но на столько успѣлъ изучить его на практикѣ (въ чемъ убѣдился Задуваевъ изъ прошлаго моего отчета), что въ нынѣшнее лѣто директоръ назначилъ меня руководителемъ курсовъ при ввѣренномъ мнѣ училищѣ. Слушателями у меня было пять мальчковъ, изъ которыхъ двое общались завести пасѣки въ слѣдующее лѣто. За курсы, продолжавшіеся всего десять дней, мнѣ щедро заплатили. О нихъ я доставилъ подробный отчетъ Задуваеву, въ которомъ поблагодарилъ его за то, что ему я обязанъ знаніями по пчеловодству; безъ него бы мнѣ и въ умъ не пришло заняться этимъ дѣломъ. Для него такіе отчеты выгодны. Онъ общалъ о моей дѣятельности по пчеловодству довести до свѣдѣнія г. Министра и исходатайствовать мнѣ дипломъ всероссійской выставки за успѣшное веденіе курсовъ и распространеніе пчеловодства между крестьянами.

— Да развѣ вашъ медъ былъ на выставкѣ?

— Ни капли не было. Но сильные люди все могутъ сдѣлать.

— Но, можетъ быть, вы послали туда какія-нибудь вещи: ульи усовершенствованной вами системы, дымокурки, центробѣжки, вообще вещи, относящіяся къ пчеловодству?

— Ничего не посылалъ.

— Такъ какой же вамъ дипломъ вышлютъ?

— Не знаю, только Задуваевъ обѣщалъ исходатайствовать. А и свинтусъ же этотъ Задуваевъ: умѣетъ ходить на заднихъ лапкахъ. Онъ всегда изъ мухи слона сдѣлаетъ, если ему это выгодно. Въ его отчетѣ говорится, что одна зимовалая семья пчель у какого-то учителя дала за лѣто двѣнадцать пудовъ меду. И досталось же ему за это сообщеніе отъ дѣйствительныхъ пчеловодовъ: славно прохватили въ газетахъ. Вы слышали, онъ отца Іоанна приглашалъ на свою насѣку, чтобы получить его благословеніе?

— Нѣтъ, не слыхалъ. Но почему бы и не пригласить всѣми уважаемаго и почитаемаго пастыря на доброе дѣло?

— Только бы не Задуваеву: онъ едва ли въ Бога-то вѣруеть. Я—то знаю.

— Зачѣмъ же вы, Самсонъ Ивановичъ, позволяете себѣ такъ невыгодно отзываться о человѣкѣ, много для васъ сдѣлавшемъ?

— Я говорю сухую правду.

— Но вѣдь вы не сказали сущей-то правды ему лично, а говорите ее мнѣ, лицу вовсе не причастному къ дѣлу.

— Не на столько же я глупъ, чтобы сказать лично человѣку вещи, ему не правящіяся. Вѣдь говорю вамъ и о Катиловѣ, что онъ помѣшался, однако лично ему этого говорить не слѣдуетъ. Такъ говорится только между нами, пріятелями. А люди вовсе не должны знать, что мы о нихъ думаемъ. Вотъ есть еще одно лицо, занимающее видное мѣсто въ губернскомъ городѣ. Оно покровительствуетъ распространителямъ подпольныхъ изданій; но оно такъ себя обставило, что иголки подъ него не подточить.

— Кто же это такое лицо?

— Ну, этого-то и вамъ не скажу: далъ слово держать въ секретѣ.

— Не хорошо такъ отзываться о людяхъ, услугами которыхъ мы пользуемся...

— Ну, пускай я негодай, что ли! выпалилъ Самсонъ Ивановичъ:—но въ наставленіяхъ и выговорахъ вашихъ не пуждаюсь. Я уже не въ первый разъ замѣчаю, что вы со мной говорите тономъ наставника. Это, можетъ быть, и было умѣстно въ началѣ нашего знакомства; въ учительской школѣ, когда я былъ еще молодъ и глупъ. А теперь, повторяю, ни въ какихъ наставленіяхъ не пуждаюсь.

— Я и не думалъ дѣлать вамъ выговоры, Самсонъ Ивановичъ. Я съ дѣтства привыкъ васъ любить...

— Ни въ чьей любви не нуждаюсь, тѣмъ болѣе въ вашей.

— Вѣдь мы вели пріятельскую бесѣду. Я не желалъ оскорбить васъ.

— Вы смотрите на меня, какъ...

— Какъ на кого?

— Сами знаете... Вы да еще Пахаревъ—всегда стараетесь накинуть на меня тѣнь болтуна, сплетника; но въ обоихъ васъ не нуждаюсь. Вонъ Пахаревъ—почей не спалъ, готовилъ работы на выставку, да шинь и получилъ... а я ничего не послалъ и получу дипломъ...

— Ваше счастье. Но зачѣмъ вы приплели Пахарева: вѣдь его здѣсь нѣтъ? Къ тому же, кажется, вы съ нимъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ?

— Оставьте меня въ покоѣ. Еще разъ повторяю, что не нуждаюсь въ вашихъ наставленіяхъ. Пора намъ прервать отношенія, такъ называемыя дружескія.

— Да мы и такъ видимся только нѣсколько разъ въ годъ, и то случайно.

— Я желалъ бы, чтобы мы вовсе не встрѣчались. Это лучше. По крайней мѣрѣ я не услышу тона наставника. Я дѣйствительно не мальчикъ.

И мы разстались съ Самсономъ Ивановичемъ, пожавъ другъ другу руки.

«Что это такое? подумалъ я: «счастье ли такъ ослѣпляетъ человѣка, или онъ помѣшался? Ужели правы тѣ, которые утверждаютъ, что если человѣкъ пробудетъ около двадцати лѣтъ учителемъ—никуда не годится».

XV.

Прошелъ годъ.

Съ Самсономъ Ивановичемъ мнѣ не случилось встрѣтиться ни разу за все это время. Въ двадцатыхъ числахъ сентября я получилъ отъ него письмо, самое душевное; точно размолвки между нами никогда не было. Онъ извѣщалъ меня о новой поѣздкѣ въ Петербургъ, а также о попутномъ посѣщеніи имъ Катилова. Послѣдній, по словамъ Подпывалова, дѣйствительно сошелъ съ ума, хотя все еще занимаетъ

отвѣтственный постъ директора народныхъ училищъ. Въ письмѣ говорится, что Лаврентій Михайловичъ принялъ Самсона Ивановича, какъ своего лучшаго друга, и обѣщаль ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о зачисленіи его сына на казенную стипендію; а въ интернатъ общества взаимнаго всономощствованія опредѣлить втораго сына Подплывалова, подающаго еще большія надежды, чѣмъ первый его сынъ: «этотъ у меня дѣйствительно прекрасно учится», выражался о немъ отецъ. — «Нѣкоторые учителя пытались опредѣлить своихъ дѣтей въ среднія учебныя заведенія на казенныя стипендіи», говорилось въ письмѣ Подплывалова, «ходатайствуя передъ высшимъ начальствомъ прямымъ путемъ, чрезъ посредство своего инспектора и директора народныхъ училищъ; но эти ходатайства мало имѣли успѣха. Прямымъ путемъ трудно сельскому учителю устроить своихъ дѣтей, а по протекціи покровителей, имѣющихъ большія связи въ столицахъ, нѣтъ ничего легче. Самъ Задуваевъ мнѣ передавалъ что онъ хотѣлъ опредѣлить двухъ сыновей въ гимназію на свой счетъ; но ему сказали: «развѣ у васъ лишнія деньги»? И зачислили обоихъ на казенный. А вѣдь Задуваевъ не нашему брату чета, имѣеть сто тысячъ наличныхъ денегъ. Вотъ какъ люди обдѣльваютъ дѣлишки—не много церемонятся.

Высказаться такъ откровенно побудило нашего пріятеля, вѣроятно, то обстоятельство, что онъ хотѣлъ показать сотрудицамъ, какія сильныя лица, Катиловъ и Задуваевъ, стоятъ на дружеской съ нимъ ногѣ, хлопчуть о его дѣтяхъ, какъ о своихъ собственныхъ; слѣдовательно, Самсонъ Ивановичъ высоко цѣнится ими: онъ лучшій изъ всѣхъ учителей въ Россіи,—вѣдь имена Катилова и Задуваева гремятъ по Русси, какъ имена выдающихся дѣятелей.

Дальше въ письмѣ говорилось: «Есть у меня ученикъ, очень даровитый мальчикъ, только косноязыченъ. Я слышалъ что къ вамъ во второй классъ иногда поступали дѣти съ подобными недостатками, и послѣдніе значительно ослабѣвали при дальнѣйшемъ обученіи. Нельзя ли, Алексѣй Григорьевичъ, поручить и моего питомца вашему вниманію. Потрудитесь увѣдомить».

Я отвѣчаль утвердительно.

Дня черезъ три по полученіи письма Подплывалова заѣхалъ ко мнѣ мѣстный урядникъ и въ разговорѣ между про-

чимъ сообщили, что въ губернскомъ городѣ арестовали цѣлую пайку людей, неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи: нашли у нихъ тайную типографію, впрочемъ весьма плохую. Въ числѣ арестованныхъ находится и Подпольниковъ, братъ пріятеля Самсона Ивановича; что, говорятъ, жандармы посятъ и нашъ уѣздъ: въ немъ кого-то подозрѣваютъ; но кого, ему, уряднику, неизвѣстно.

«Ужь не оправдываются ли опасенія Самсона Ивановича, высказанныя имъ въ прошломъ году?» подумалъ я.

Черезъ недѣлю послѣ разговора съ урядникомъ пришелъ ко мнѣ тотъ самый ученикъ, о которомъ хлопоталъ Подпольниковъ, и сказалъ: «Алексѣй Григорьевичъ, Самсонъ Ивановичъ умеръ!»

— «Какъ умеръ?»

— «Умеръ, вчера вечеромъ».

— «Царство ему небесное. Да ты отъ кого слышалъ? можетъ быть это неправда?»

— «Нѣтъ, правда—умеръ. Сегодня пріѣхала ко мнѣ мать: хлѣба мнѣ привезла, она и сказывала».

Неожиданное извѣстіе о его кончинѣ сильно поразило всѣхъ его знакомыхъ. Моя жена вволю поплакала: «вотъ ужъ и товарищи твои, говорила она мнѣ, умирать начали. Поди и тебѣ ужъ жить осталось немного».

Вскорѣ всѣмъ стали извѣстны подробности его кончины. Въ день смерти онъ далъ три урока въ классѣ; за вечернимъ чаемъ занимался съ собственными малолѣтними дѣтьми; затѣмъ написалъ письмо старшему сыну, перечитывалъ его нѣсколько разъ, обращаясь къ женѣ: « послушай, какое я ему славное письмо написалъ!» Вдругъ пошатнулся, повалился съ ногъ и произнесъ: «не смерть ли приходитъ? что съ ребятами-то будетъ?» Жена подхватила его на руки. Еще одинъ протяжный вздохъ, и душа его разсталась съ тѣломъ. Сразу же послали за врачомъ, полагая, что Самсонъ Ивановичъ просто впалъ въ обморокъ. Врачъ нашелъ, что онъ умеръ отъ разрыва сердца. Врачъ вернулся въ городъ, гдѣ происходило послѣднее засѣданіе уѣзднаго земскаго собранія, которому и сообщилъ о скоростижной кончинѣ учителя. Собраніе тоже было поражено ею. Оно пригласило священника отслужить панихиду. Одинъ изъ гласныхъ въ краткихъ словахъ очертилъ учительскую дѣятельность покойнаго, весьма плодотворную:

«это былъ единственный учитель въ губерніи, заключилъ ораторъ: и потому я бы предлагалъ назначить его семейству земскую пенсію на десять лѣтъ въ полномъ окладѣ жалованья, которое онъ получалъ; похороны совершить на земскій счетъ, а одного изъ сыновей его содержать въ гимназіи тоже за счетъ уѣзднаго земства». Предложеніе гласнаго было принято собраніемъ, и тотчасъ же былъ посланъ нарочный ко вдовѣ, бывшей женѣ Самсона Ивановича, съ извѣстіемъ, что семейство покойнаго вполне обезпечено земствомъ.

На третій день многочисленные ученики покойнаго, ближайшіе изъ сотрудниковъ и мѣстное населеніе сопровождали тѣло въ церковь, гдѣ послѣ отпѣванія отецъ законоучитель сказалъ прочувствованное слово. Гробъ заколотили въ деревянный ящикъ и отправили на родину для погребенія.

30 сентября стоялъ густой туманъ и моросилъ мелкій дождь. Я вечеромъ со своими учениками пошелъ въ Косулино для встрѣчи праха сотрудника. Около девяти часовъ пара лошадей по грязной дорогѣ еле-еле тащила тяжелый ящикъ, въ который былъ заколоченъ гробъ, и остановилась у дома Трофима Ивановича, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ стоялъ покойный со мною и говорилъ, глядя на богатый домъ брата: «и вотъ все это вымретъ, а домъ этотъ достанется мнѣ»... Какъ ошибочны бываютъ помыслы человѣческіе!

Черезъ полчаса привезли гробъ на берегъ и поплыли черезъ проливъ на другой берегъ, гдѣ стоитъ церковь. Всѣ, бывшіе въ лодкѣ, обнажили головы. По знаку моему хоръ запѣлъ «Святый Боже»... На берегу, гдѣ сквозь туманъ чернѣли силуэты людей, слышались рыданія. Гробъ поставили на паперть. Перваго октября я со своими учениками пѣлъ заупокойную литургію, послѣ которой похоронили Самсона Ивановича на высокомъ холмѣ. Миръ праху твоему, усердный труженикъ на нивѣ народнаго образованія, веселый собесѣдникъ въ обществѣ и добрый товарищ!

Неожиданная кончина Подпывалова потрясла чувствительную натуру Пахарева, и послѣдній написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Эпитафія мученику XIX вѣка.

Онъ покинулъ родительскій домъ:
Шелъ на подвигъ въ порывѣ святомъ.
Звалъ къ себѣ онъ дѣтей отъ души:
Шли охотно къ нему малыши.
Съ мудрой думой на свѣтломъ челѣ
Съялъ доброе онъ на селѣ.
Если могъ, вырывалъ бѣдняка
Изъ коварныхъ сѣтей кулака.
Обличалъ произволъ старшины,
Но не гнулъ съ гнусной лестью спины.
Не щадилъ и смиренныхъ отцовъ,
Дань берушихъ съ живыхъ, съ мертвецовъ.
Классной пылью дышалъ въ духотѣ
Духъ высокій хранилъ въ чистотѣ.
Лепту бѣдную несъ къ алтарю,
Былъ надежнымъ слугою царю.
Проливалъ для отечества потъ.
Безкорыстный, прямой патріотъ.
Потрясала отчизну бѣда—
Обвиняли его безъ стыда:
„Онъ крамольникъ и сѣятель смуть...
Что же въ крѣпость его не возьмутъ“?
Приползла къ нему старость на дворъ:
Онъ и босъ, онъ и голоденъ, хворъ.
Наконецъ, какъ свѣча, онъ потухъ:
Испустилъ безмятежно свой духъ.
У немногихъ смутились глаза
И стекла на рѣсницы слеза.
А могила съ древеснымъ крестомъ
Затерялась въ бурьянѣ густомъ.

Не одна могила нашихъ товарищей затерялась въ густомъ бурьянѣ; но могилѣ Самсона Ивановича выпала иная доля: между друзьями покойнаго открыта подписка на постановку на ней памятника.

Что ни говорите, а Подпльваловы и Загуляевы—любимыя дѣти общества. Пахаревы, Настойчиковы и другіе труженики менѣе замѣтны, хотя пользуются уваженіемъ тѣхъ, кто ихъ хорошо знаетъ; пользуются довѣріемъ и любовью простолюдиновъ.

Кому судьба matka—иному мачеха.

Сельскій учитель.

Къ товарищамъ послѣ тридцатилѣтія учительства.

„Впередъ, впередъ и безъ возврата!“
Лелѣяль слухъ священный зовъ,
Когда мы шли будить собрата,
Еще не знавшаго азовъ.

* * *

Раздался въ селахъ мирный голосъ,
Зерно познанья заронилъ
Съ мольбой, чтобъ выросъ мощный колосъ,
Чтобъ Богъ отъ бурь его хранилъ.

* * *

Мы съ юныхъ лѣтъ въ борьбѣ натужной
Какъ воду лили кровный потъ,
Боролись съ косностью недужной
И тьму извѣдали невзгодъ.

* * *

Какъ въ старину святыхъ пророковъ,
Бичей жестокой суеты,
Тѣснили насъ жрецы пороковъ,
Взводя хулы и клеветы.

* * *

Когда надъ милою отчизной
Сгущались сумрачные дни,

Насъ обвиняли съ укоризной
Во всѣхъ несчастіяхъ они.

* * *

Но все мы вынесли безъ мщенья:
Мы къ вѣчной правдѣ шли съ дѣтьми.
Давно на нивѣ просвѣщенья
Одни изъ насъ легли костью,

* * *

Другіе старчески погнулись
Подъ тяжкимъ бременивъ годовъ,
Иль отъ заботъ съ пути свихнулись—
Невольно вышли изъ рядовъ.

* * *

Впередъ, впередъ, дружина наша!
Отчизнѣ милой будь вѣрна!
Досталась горькая намъ чаша,
Но мы допьемъ ее до дна.

И. Вересовъ.

Изъ дневника народнаго учителя.

(Окончаніе).

4 октября. Прочиталь утреннюю молитву и, задавъ двумъ отдѣленіямъ самостоятельную работу, началъ съ третьимъ заниматься. Вдругъ входитъ законоучитель и, не поздоровавшись со мною (какъ видно потому, что я ушелъ изъ его дома не простившись), спросилъ учениковъ, прочитана ли молитва. Ученики хоромъ отвѣтили, что молитва прочитана, и законоучитель началъ спрашивать, какія молитвы читали. Я стоялъ и ждалъ. Законоучитель оборотился въ передній уголъ и какъ бы въ воздухъ произнесъ: «а я буду читать по своему». По прочтеніи молитвы, законоучитель, повидимому намекая на то, что при чтеніи молитвы дежурнымъ слова ея не повторяются про себя другими учениками, сказалъ: «теперь не будетъ лукавства». Онъ читаль молитву хоромъ. Пускай это будетъ и правда, хотя нечистая, а съ примѣсю лукавства самого законоучителя, но чѣмъ онъ отличилъ свою молитву отъ моей? Тѣмъ, что читаль ее хоромъ? но это могъ бы сдѣлать и я, если по мнѣнію законоучителя она будетъ ближе къ Богу! можетъ быть тѣмъ, что въ своей молитвѣ онъ прибавилъ: «Спаси, Господи, и помилуй отца нашего духовнаго іерея Стефана»? но въ списокѣ молитвъ для класнаго чтенія я ее не нахожу. Законоучитель можетъ быть упрекнетъ меня въ излишнемъ формализмѣ въ этомъ дѣлѣ, чего, конечно, нѣтъ; но сегодняшнимъ своимъ поступкомъ законоучитель подорвалъ мой авторитетъ въ глазахъ учениковъ какъ съ педагогической, такъ и съ нравственной точки зрѣнія. Я не заслуженно краснѣлъ предъ учениками и былъ въ такомъ положеніи, какъ будто я ничто и трудъ мой, а также молитва, никуда не годятся.

9 октября. Въ промежутокъ между сегодняшнимъ и четвертымъ октября законоучителя не было и я былъ избавленъ отъ непрятностей. Какъ хорошо трудиться, когда никто не мѣшаетъ, не убиваетъ энергін, не стоитъ съ палкой надъ головой! Справедливъ былъ бы законоучитель, (скажу «справедливъ»), если бы онъ хотя и стоялъ съ палкой, но опускающейся на виновныхъ, но, сѣ Богу, мнѣ кажется, что я честно исполнялъ свой долгъ. Знаю, что мнѣ нужно потрудиться особенно теперь, пока я молодъ, пока силы не ушли; нужно хоть мало мальски принести себя въ жертву на алтарь борьбы съ народнымъ невѣжествомъ. Толпа должна хотя духовно утѣшиться отъ боли своихъ костлявыхъ, мозолистыхъ рукъ и плечъ; хоть рѣдко отрывать свой упорный взглядъ въ сырую землю и смотрѣть въ сторону свѣта и правды. Сегодня законоучитель, побывавшій на дняхъ у инспектора, явился въ училище еще веселѣе, чѣмъ прежде, вошелъ въ классъ, возложилъ на себя большой крестъ, велѣлъ ученикамъ читать молитву, послѣ которой, важнымъ жестомъ оправивъ свои волосы, опустился на стулъ и приказалъ вынуть книги. Я взглянулъ на часы, до конца моего урока оставалось двѣнадцать минутъ. Какая-то могучая сила явилась во мнѣ, что-то сильное толкнуло меня сказать ученикамъ слушать меня, и я началъ продолжать объясненіе ученикамъ о дѣйствіяхъ съ составными пменованными числами.

Законоучитель выпрямился, подобно великану приготовившемуся биться съ противникомъ, и произнесъ: «такъ вотъ какъ они поступаютъ съ батюшками»? Затѣмъ обратившись къ ученикамъ сказалъ: «а вы будете знать у меня, какъ слушать учителя», послѣ чего направился къ выходу. Я вышелъ съ урока взволнованный, разбитый и съ сознаніемъ, что я много, много себѣ навредилъ. Я началъ бороться съ противникомъ сильнымъ, безчеловѣчнымъ, который не посмотритъ ни на что, будетъ прибѣгать ко всѣмъ средствамъ борьбы, даже къ самымъ жестокимъ средствамъ, если они понадобятся, но отомстить и безсердечно отомстить. А все таки уязвленное мое самолюбіе и человѣческое достоинство заставили меня поступить такъ, а не иначе.

Пишу эти строки вечеромъ. Погода ужасная. Буря съ дикимъ свистомъ бьетъ въ стѣны здавія, производя на чердакѣ при каждомъ напорѣ глухія стуки, отъ которыхъ ста-

новится какъ-то страшно, страшно! Такъ хочется съ кѣмъ нибудь говорить, услышать искреннія слова ободренія, просить о помощи, звать, кричать, плакать! Но никого нѣтъ, — я одинъ. Не буду же я малодушнымъ. Вѣдь въ прощальной рѣчи въ семинаріи уважаемый Григорій Витальевичъ сказалъ намъ: «Господа! не падайте духомъ въ борьбѣ съ народной тьмою». Эти памятные для меня слова только и ободряютъ, и я ложусь спать, а завтра, что Богъ дастъ.

10-е октября. И этотъ день не прошелъ для меня безъ непріятностей, и опять таки съ законоучителемъ! Когда же онъ устанетъ и покинетъ это скучное, вредное, жестокое занятіе оскорблять, издѣваться надъ тѣмъ, кому онъ такъ торжественно обѣщаль рука объ руку просвѣщать свѣтомъ знаній народную тьмоту? Видно законоучитель привыкъ идти къ цѣли не тѣми прямыми, но тернистыми путями, какими идутъ другіе, а потому съ нимъ и нельзя сладить. Сегодня опять новая придирка, новый вызовъ, что, какъ мнѣ сообщили, онъ практиковалъ и раньше: входитъ въ классъ и обращается почти крича: «зачѣмъ вы въ воскресенье выпускали учениковъ изъ церкви среди богослуженія?» Я сказалъ, что нельзя же отказать дѣтямъ, когда они просятъ выйти. «Я имѣю право запретить вамъ это дѣлать, потому что въ церкви хозяинъ я, а не вы, и если это повторится, то я прикажу старостѣ запираеть всѣ двери». Я отвѣтилъ ему, что если двери будутъ запираются, какъ это бывало раньше, то хожденіе въ церковь съ дѣтьми я прекращаю; пусть они ходятъ съ своими родителями. Едва я успѣлъ произнести послѣднія слова, какъ законоучитель загремѣлъ на все зданіе такимъ радостнымъ крикомъ, какъ будто онъ встрѣтилъ послѣ десятилѣтней разлуки родного отца или любимаго друга: «а пожалуйте сюда, старшина!» Въ дверяхъ появилась жирная фигура старшины, съ медалью на шеѣ. Появленіе этого непрошеннаго гостя совершенно ошеломило меня. Я первое время не зналъ, что ему говорить, подумалъ, что тамъ за дверью скрывается еще кто нибудь сильнѣе старшины, и, признаюсь, началъ уже мысленно прощаться съ свободой, ожидая ареста за какое-нибудь мнимое преступленіе по доносу своего противника. Законоучитель, указывая на меня, сказалъ старшинѣ: «запишите, что учитель отказывается отъ посѣщенія церкви и отъ исполненія монахъ справедливыхъ требованій». Гость направился

къ столу и сталъ готовить бумагу. Только теперь сообразивъ въ чемъ дѣло, я сказалъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до ссоръ учителя съ законоучителемъ, и если онъ не оставитъ немедленно компаты и не дастъ мнѣ возможности продолжать занятій, то я пожалуюсь земскому начальнику. Старшина, помахивая головой, возразилъ: «я тоже земскій служащій, а потому имѣю право снять протоколъ». Комическая и глупая выходка его заставила меня расхохотаться, и онъ смущенный ушелъ, а законоучитель тоже послѣдовалъ его примѣру. Оказалось, что законоучитель, идя въ школу, зашелъ въ волостное правленіе, пригласилъ старшину, и придя въ училище, оставилъ его въ корридорѣ, а самъ вошелъ «поговорить». Вечеромъ о поступкѣ старшины знало все село, и онъ будто бы подвергся сильному натиску отъ вліятельныхъ крестьянъ за защиту «попа», противъ котораго крестьяне собирались составить приговоръ, прося о переводѣ его въ другой приходъ. Ну, и мнѣ падоѣлъ же этотъ старшина; не было ни одного случая, чтобы я вошелъ въ волостное правленіе, и онъ не протянулъ руки за письмомъ или какой нибудь бумагой, которую я подавалъ на почту «А покажите, чи ны въ крестьянскій союзъ», вѣчно встрѣчалъ онъ меня.

Сегодняшняя сцена не могла остаться неизвѣстной отцамъ учениковъ, и, какъ на грѣхъ, одинъ изъ нихъ былъ выпивши. Тронутый моимъ положеніемъ, отправился онъ къ священнику на расправу (этотъ крестьянинъ съ первой встрѣчи былъ какъ-то особенно привязанъ ко мнѣ). Когда онъ пришелъ въ домъ священника, то ему сказали, что онъ боленъ. «А учителя драть не боленъ? давайте мнѣ сейчасъ же попа!» Священникъ вышелъ другимъ ходомъ и послалъ работника за нолиціей, которой съ трудомъ удалось унять разсвирѣпѣвшаго буяна.

29-е ноября. Дневникъ мой покрылся пылью,—такъ давно я не бралъ его въ руки. Законоучитель въ училище не является, а слѣдовательно и въ жизни моей почти ничего особеннаго не происходитъ, исключая столкновеній съ старостой изъ за топлива, вставки разбитыхъ стеколъ въ окна и т. п. Сегодня я узналъ отъ товарища, что инспекторъ оставилъ службу по болѣзни, которая, несмотря на неоднократныя просьбы законоучителя, мѣшала ему разслѣдовать на мѣстѣ наше дѣло. Онъ два раза присылалъ мнѣ выговоры и вмѣстѣ

съ тѣмъ наставленія слушатъся законоучителя и не противиться его справедливымъ требованіямъ, но все таки какъ будто не хотѣлъ меня уволить, вѣроятно, потому что много школь пустовало изъ-за арестовъ учителей. Извѣстіе о пріѣздѣ новаго инспектора обрадовало меня и я рѣшилъ отправиться къ нему съ просьбой о переводѣ, какъ этотъ послѣдній ни вреденъ для дѣла школы.

3-е декабря. Свѣтлое морозное утро. На небѣ ни облачка; воздухъ сухой; такъ и рѣжетъ уши, носъ и щеки. Я услышалъ скрипъ саней и фырканье лошади, и у воротъ училища остановилась моя подвода, которую я вчера договорилъ ѣхать въ городъ. Сердечный Акимъ привезъ мнѣ старый тулупъ, а это и кстати, такъ какъ мое старое пальто едва ли годится для сегодняшняго холода. «Помоги Богъ!» Сейчасъ сажусь и ѣду.

9 часовъ вечера. На силу обогрѣлся. Какъ отвратительна дорога въ такой холодище, какъ сегодня! Обратный путь былъ противъ вѣтра; какъ ни торопился я своего возницу, но пришлось промерзнуть изрядно, такъ какъ его «соломяна» Машка бѣжала плохо, а оголенный молью тулупъ и мое поношенное пальто сослужили мнѣ плохую службу. Хорошо, если бы этимъ и кончилось, но это вопросъ, который разрѣшитъ недалекое будущее. Инспекторъ сказалъ, что при первой возможности постарается быть въ училищѣ и выяснитъ недоразумѣнія, о которыхъ онъ уже знаетъ изъ бумагъ законоучителя.

Сначала онъ показался мнѣ какъ будто человѣкомъ и ничего себѣ, но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе онъ твердилъ, что къ законоучителю нужно относиться съ должнымъ почтеніемъ, какъ требуетъ его санъ, а на мало-мальское мое возраженіе онъ указывалъ на свою лысину и просилъ не противорѣчить. На мой вопросъ: имѣетъ ли право законоучитель прерывать мой урокъ, онъ отвѣтилъ, что имѣетъ. Вотъ и не возражай: сидятъ себѣ въ кабинетѣ и составляютъ правила, а я знаю, что законоучитель этимъ правомъ злоупотребляетъ. Пока я еще обѣдалъ у законоучителя, наблюдались такія явленія: пообѣдаемъ; законоучитель говорить, что сейчасъ идетъ заниматься онъ, и направляется въ кабинетъ отдохнуть, пока я «соберу учениковъ». Я прихожу въ училище. Неудобно же начинать урокъ въ то время, когда его сейчасъ же перервутъ;

сѣжу, ожидаю; проходить десять минутъ; проходить полчаса, посылаю учениковъ: «сейчасъ придуть», отвѣчаютъ имъ; жду еще двадцать минутъ, приходитъ прислуга законоучителя и говорить, что батюшка не придетъ, заснулъ. Бывали случаи, что черезъ часъ моихъ ожиданій приходитъ, минутъ за двадцать наставитъ полный журналъ единицъ и уходитъ (онъ всегда почему-то звалъ меня въ классъ и спрашивалъ: «ну почему они не учать уроковъ»?)

8 декабря. Прибавился лишній начальникъ, хотя и глупый, невѣжественный, по, право, разстраиваетъ. 1 декабря общество наняло сторожа, взаменъ заболѣвшаго. Стыдно и говорить: просто не даетъ покоя. Или я не умѣю поставить себя такъ, чтобы въ школѣ дѣлалось какъ я хочу, или съ нимъ нельзя ничего сдѣлать? Не хочется слыть за строитиваго, а добраго слова не понимаетъ. Ему нужно, чтобы я раньше выпускалъ учениковъ, такъ какъ онъ не успѣваетъ вымести класса; хочется ему топить утромъ, чтобы днемъ теплѣе было, а не вечеромъ, чтобы не было угара; форточки нельзя открывать на перемѣнѣ, такъ какъ выходитъ весь «духъ», а скажи чтонибудь сейчасъ: «вы меня не занимали и денегъ мнѣ не платите». Куда смотреть и что видятъ наши земскіе заправилы? Три года разсматриваютъ вопросъ о передачѣ школьнаго имущества въ руки учителя и до сихъ поръ не пришли ни къ какому заключенію. Имъ, навѣрное, хочется, чтобы учитель сидѣлъ по три—четыре дня въ квартирѣ, не раздѣваясь. Имѣтъ дѣло съ старостой относительно отопленія, найма сторожа, вставки стеколъ въ разбитыя окна—настоящая каторга. Онъ такъ и нарываетъ, чтобы сторожъ былъ какой-нибудь полоумный инвалидъ, лишь бы меньше ему заплатить. Столкновеніямъ на этой почвѣ я не далъ мѣста въ своемъ дневникѣ, хотя глубоко въ этомъ ошибся, такъ какъ это былъ бы богатый матеріалъ для ознакомленія моихъ потомковъ съ настоящей участью учителя.

14 декабря. Бодрствуй!.. за восемьдесятъ шаговъ, въ домъ законоучителя, въ томъ самомъ домѣ, котораго я такъ боюсь, перемываютъ всѣ мои косточки. Сегодня послѣ занятій сѣжу въ квартирѣ; вдругъ ко мнѣ врывается сторожъ и, запыхавшись, говорить, что къ крыльцу подѣхалъ какой-то чиновникъ. Я бросился въ классъ и увидѣлъ, что тамъ уже сіяла лысина съ ореоломъ практика-педагога. Лысина прежде

всего обратилась ко мнѣ съ вопросомъ, не побиты ли окна? Такъ какъ окна были дѣйствительно побиты и притомъ въ противоположныхъ окнахъ, то я пригласилъ ее въ свою квартиру, чтобы избавить отъ сквозного вѣтра.

Войдя въ мою квартиру, инспекторъ (это былъ онъ) сбросилъ съ себя шубу и, оставшись въ одномъ пальто, попросилъ меня провести его къ дому священника, гдѣ, я думаю, онъ будетъ ночевать. Первый разъ въ жизни ощущаю приѣздъ начальства: все какъ будто ожило; Макаръ мой засуетился, какъ угорѣлый; все старался онъ убрать, поставить на свое мѣсто, нигдѣ не осталось ни пылинки, потому что пронизательный взглядъ инспектора какъ будто говорилъ: «здѣсь неурядокъ, тутъ нечисто». Что-то увижу завтра?

Опять приходится взяться за перо и кое-что записать. Часа черезъ два по уходѣ инспектора открывается дверь, и входитъ опять онъ, но уже не одинъ, а съ законоучителемъ. Они сѣли, а я остался стоять, такъ какъ въ квартирѣ было всего два стула, и то одинъ изъ волости. Первый началъ говорить инспекторъ сообщеніемъ, что онъ приѣхалъ выяснитъ недоразумѣнія. Затѣмъ онъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что изъ словъ законоучителя видно, что я непрактичный учитель: «вы, папримѣръ, противились тому, что о. законоучитель присылаетъ за вами сторожа съ просьбой явиться въ церковь, и протестуетъ противъ того что вы отлучаетесь въ воскресные дни изъ училища. А я вамъ скажу, что отлучекъ никакихъ въ учебное время быть не должно». Я сказалъ, что мнѣ пришлось отлучиться всего два раза, когда нужно было купить платье; «объ этомъ вы должны подумать раньше, а не во время занятій», сказалъ инспекторъ. А дальше у меня не хватаетъ силъ вспоминать слышанное сегодня, такъ какъ поступокъ законоучителя оказался до того отвратительнымъ, что не могу я вспомнить его безъ боли на сердцѣ. Онъ почти отъ всего отказался, отрекся, отрестился, и когда я напомнилъ ему о приводѣ старшины, то онъ придалъ этому какой-то другой характеръ, а на мою просьбу пригласить самого старшину, мнѣ отвѣтили, что это не судъ и, возмуживъ на меня всю вину, ушли.

Боже мой, Боже мой! вотъ ужъ дѣйствительно, кто сильный, тотъ и правый. Такъ стоятъ на стражѣ начертанныхъ Богомъ законовъ, такъ охраняютъ религію, которая такъ не-

обходима для человѣчества. Нѣтъ это не стражъ святыни и чистоты церкви, а какая-то пародія на него, да еще пародія по протекціи... или можетъ быть потому и пародія, что по протекціи. Инспекторъ, можетъ быть, и увѣренъ въ его правотѣ, а моей виновности, но онъ? онъ какъ себя чувствуетъ? что говоритъ самому себѣ? какой отчетъ даетъ своей совѣсти?

15 декабря. Сегодняшій день для меня самый лихорадочный: во-первыхъ, не знаю, къ чему меня приговорили, а во-вторыхъ, цѣлый день мучилъ меня инспекторъ своимъ присутствіемъ. Оно бы и ничего,—прослушать занятія, внести какую нибудь важную поправку, посовѣтовать болѣе практичный методъ. А то сидитъ на урокъ—слушаетъ; послѣ урока беретъ книгу и пишетъ, и что же пишетъ? «ученики стоятъ неровно», не зная того, что за этими партами и стоять-то ровно нельзя; ученики при отвѣтахъ рѣдко смотрятъ въ глаза спрашивающему и т. п. На пятомъ урокъ провѣрилъ знаніе учениковъ и остался недоволенъ тѣмъ, что ученики некрасиво писали цифры, не зазубрили, что такое каждое изъ арифметическихъ дѣйствій и какъ оно провѣряется. Относительно Закона Божія написалъ, что «дѣти плохо рассказывали статьи изъ священной исторіи, что является слѣдствіемъ возникшихъ недоразумѣній между учителемъ и законоучителемъ». Прощаясь, онъ предупредилъ меня, что послѣ Рождества я буду переведенъ и сказалъ: «ужь доживите мирно съ о. законоучителемъ до перевода, вѣдь, знаете, что онъ чловѣкъ независимый отъ насъ, и что же съ нимъ можно сдѣлать, хотя бы онъ и былъ виноватъ?» Значитъ, вина и законоучителя падаетъ на учителя, потому что онъ лицо не подчиненное. Окончилось хорошимъ, такъ какъ перевода я не боюсь; единственное мое желаніе, не видѣть въ эти 6—7 дней законоучителя, кажется, исполнится, такъ какъ я вижу его бѣгающимъ изъ одного двора въ другой, а за нимъ подвода, нагруженная десятками двумя мѣшковъ и кусками сала,—ходить съ молитвой.

Нужно самому пережить подобное, чтобы понять, что я испыталъ.

Замѣтки учителя.

I.

Русская жизнь въ переходномъ состояніи. Мы живемъ въ ожиданіи великихъ реформъ, которыя изъ поистинѣ торжонной жизни сдѣлаютъ ее настоящею человѣческою. Школа, конечно, тоже и непремѣнно получитъ толчекъ впередъ и, можетъ быть, будетъ устроена такъ, какъ мы и не мечтали. Но, конечно, лучшій порядокъ не будетъ введенъ въ жизнь съ быстротою электрическаго тока, а потребуетъ для этого достаточно времени.

Если народный учитель будетъ свободнымъ гражданиномъ, а не зайцемъ, благодаря своему опутанному тенетами правовому положенію; если онъ будетъ человѣкомъ, а не голодной собакой, благодаря постоянному недоѣданію (объ одеждѣ не говорю; не прихотливы мы и она мало дѣйствуетъ на наше настроеніе: „узнаютъ Өому и въ рогожкѣ“), то для школьнаго образованія достаточно семи лѣтъ. Всѣ начальныя народныя школы должны быть двухклассныя съ 7-ми лѣтнимъ курсомъ: 4 г. первый классъ и 3—второй. Учителей должно быть по числу отдѣленій, а если и меньше, то не меньше пяти. Такая школа будетъ полезна народу: дастъ не только прочную грамотность, но и законченный кругъ начального образованія.—Теперешніи же наши одноклассныя школы съ 3-хъ лѣтнимъ курсомъ, при отсутствіи сельскихъ библіотекъ въ глуши, плодятъ малограмотность—ужасно уродливое явленіе.—Иногда-же наблюдается и полнѣйшій рецидивъ безграмотности.—Мрачна статистика образованія въ Россіи, а дѣйствительность еще мрачнѣе.

Что будетъ впереди, нельзя сказать теперь, когда каждый новый день ожидается съ новыми явленіями. Одно можно сказать, что реформа школъ не минуетъ (въ отношеніи продолжительности курса и числа учителей) того пути, по которому шли и идутъ школы Самарской губерніи. Въ настоящее время въ Самарскомъ уѣздѣ, всѣ одноклассныя школы съ трехлѣтнимъ курсомъ получили курсъ четырехлѣтній и двухъ преподавателей, а двухклассныя вмѣсто пятилѣтняго—шестилѣтній (а въ Новоузенскомъ уѣздѣ даже семилѣтній). Въ многолюдныхъ изъ послѣднихъ училищъ преподавателей столько, сколько отдѣленій.—Въ одноклассныхъ школахъ, имѣющихъ не болѣе 60 учащихся, есть и по одному преподавателю. Въ такихъ школахъ пріемъ производится черезъ годъ. Одинъ годъ должно быть 1 и 3 отд., а въ другой 2 и 4-ое. Я учительствовалъ въ такой школѣ и встрѣтилъ—маленькое извѣіе, но значительное для меня, а особенно для моихъ учениковъ—затрудненіе. Когда я началъ заниматься, у меня было три отдѣленія: 1, 2 и 3-е. Но вотъ приходитъ отношеніе инспектора о введеніи четырехгодичнаго обученія и пріемѣ черезъ годъ, а не ежегодно, какъ раньше. Бумага эта можно сказать вычеркивала второе отдѣленіе: иначе получалась нелѣпость. Я и говорю ученикамъ 2-го отдѣленія: „идите домой! второго отдѣленія въ этомъ году не будетъ!“ И ребята и я приуныли. Стали думать, какъ устроить къ лучшему и надумали.

Слабыхъ и малолѣтнихъ учениковъ пересадить опять въ 1-е отдѣленіе, а способныхъ и болѣе возрастныхъ—въ третье, взявъ съ нихъ слово заниматься какъ можно прилежнѣе. Такимъ образомъ $\frac{1}{3}$ уч. перебралась въ 3-е отд., а $\frac{2}{3}$ —въ 1-е. Счастливыцы принялись заниматься съ удвоенной энергіей и дѣйствительно къ концу года выравнялись. Съ пересѣвшими въ въ 1-е отдѣленіе пришлось вести дѣло съ нѣкоторымъ напряженіемъ, чтобы они не облѣнились на легкой работѣ. Но такъ какъ это происходило въ концѣ ноября, когда азбука приходила къ концу, то расколъ въ занятіяхъ царствовалъ недолго.—Такимъ образомъ у меня водворился законной порядокъ...

Дѣло наладилось, но не надолго. Въ концѣ этого учебнаго года я особенно въ началѣ слѣдующаго я опять всталъ въ тупикъ: куда дѣвать отстающихъ учениковъ. Въдъ во всѣхъ отдѣленіяхъ всѣхъ школъ 2—5 учениковъ остаются

„на повторительный.“—При новомъ порядкѣ въ моей школѣ это стало невозможнымъ. Тутъ я позавидоваль тѣмъ школамъ, гдѣ два преподавателя и ежегодно всѣ четыре отдѣленія.

Хорошо рѣшить этотъ вопросъ я такъ и не могъ—ушелъ въ другую школу. Выбраль я изъ нѣсколькихъ бѣдъ меньшую. Я дѣлалъ такъ. Въ первомъ отдѣленіи я не оставлялъ никого, ибо не съ кѣмъ было бы имъ учиться. Изъ втораго тоже переводилъ въ 3-е всѣхъ, такъ какъ, вмѣсто третьяго, быть опять за азбукой ученикамъ прямо таки вредно. А вотъ при переходѣ съ третьяго въ четвертое я т. ск. ставилъ карантинъ; всѣхъ малоуспѣшныхъ: лѣнливыхъ и малоспособныхъ я безъ колебаній оставлялъ, а только подающихъ полную надежду на окончаніе черезъ годъ курса переводилъ. Мнѣ думалось, что въ три года я каждаго учащагося изучу достаточно и на два лишнихъ года задержу въ школѣ только тѣхъ, кому это необходимо. Недоразумѣній съ экзаменаторами у меня не происходило. Изъ четвертаго отдѣленія выходили всѣ. Лучшей комбинаціи я придумать не могъ.

Относительно школъ, преобразовывающихся изъ одноклассныхъ въ двухклассныя, я изъ своей и окружающей меня практики убѣдился въ слѣдующемъ: учителей преподающихъ предметы 2-го класса, особенно русскій языкъ и математику, необходимо приглашать изъ молодыхъ, только что или недавно кончившихъ курсъ въ соотвѣтствующемъ учебномъ заведеніи. Они приносятъ въ новое училище свѣжую струю изъ того учебнаго заведенія, гдѣ обучались сами. Получивъ сильный толчекъ къ саморазвитію, они передадутъ его и ученикамъ 2-го класса своего училища. Въ 2-хъ-классномъ училищѣ съ 6-ти, а особенно съ 7-ми лѣтнимъ курсомъ есть гдѣ развернуться молодымъ силамъ. Кто нибудь, можетъ быть, возразить: „а малоопытность, нетактичность и т. п. могутъ вредить дѣлу, колебать дисциплину.“ Увѣряю такихъ: нѣтъ! „Строгіе отцы“ отходятъ въ область преданій; толпами и малыхъ и взрослыхъ гораздо усиѣннѣе руководятъ милые, идеальныя, бодрые „строгіе братья и сестры по духу“!..—Относительно системы распредѣленія занятій въ 2-хъ-классномъ училищѣ я скажу слѣдующее. Невозможно одному преподавателю обучать всегда 1-е отдѣленіе, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ. Нельзя одному учителю вести отъ 1-го до

6-го отд.—Въ первомъ случаѣ можетъ оступѣть учитель; во второмъ оказаться обезкураженными ученики. Я стою за ту систему, которая даетъ возможность ученикамъ каждаго выпуска извлечь полезное для нихъ изъ всѣхъ преподавателей. Поэтому мнѣ кажется довольно совершеннымъ тотъ порядокъ, который введенъ въ нашемъ училищѣ. Насъ при 215 ученикахъ пять человѣкъ. Въ 1-мъ, 2-мъ и 3-мъ отдѣленіяхъ система классная: одинъ педагогъ ведетъ своихъ учениковъ до 4-го отд. Въ 4, 5 и 6 отд. система предметная. Получаются специалисты—Рус. языка, математики, исторіи и географіи. Изъ 1-го во 2-е и изъ 2-го въ 3-е отдѣленіе переводныхъ испытаній или не бываетъ или ихъ производитъ учительница отдѣленія въ присутствіи остальныхъ коллегъ. Въ четвертое отдѣленіе экзаменъ болѣе „строгий“. Каждый специалистъ предмета оч. интересуется тѣмъ, способны ли будущіе его ученики слушать науки по той программѣ, по которой онъ преподаетъ.

II.

Въ прекрасной книжкѣ Л. М. Песковскаго „Въ глуши“ про героя ея—учителя, который самъ догадался, какъ учить по звуковому методу, говорится: „онъ слѣлалъ въ это мгновеніе очень простое, но въ сущности одно изъ величайшихъ и благодѣтельнѣйшихъ открытій для человѣчества, которое по всей вѣроятности было переоткрыто десятками или сотнями другихъ такихъ-же безвѣстныхъ захоластныхъ тружениковъ, добросовѣстно искавшихъ новыхъ приемовъ“.—Такъ было въ сороковыхъ годахъ, такъ можетъ быть и теперь: и теперь есть захоластные безвѣстные труженики. По этому мнѣ кажется въ новомъ учительскомъ журналѣ надо завести отдѣлъ: „Вѣкъ живи—вѣкъ учись“, съ эниграфомъ „лучше поздно, чѣмъ никогда“. Пусть безвѣстные труженики изъ своихъ медвѣжьихъ угловъ сообщаютъ въ немъ свои открытія (конечно не Америкъ), выводы изъ собственныхъ наблюденій; совѣты, основанные на опытѣ; указанія, почерпнутыя изъ добросовѣстной практики, даже такія, какъ—какъ лучше устроить учебное пособіе, мѣткое сравненіе для объясненія отвлеченнаго.

Если такой отдѣлъ будетъ, то я радъ буду увидѣть напечатанными слѣдующіе мои выводы:

1) *О домашних сочиненіяхъ.* Прежде, чѣмъ подать работу, пусть ученикъ самъ прочитаетъ ее передъ всѣмъ классомъ при учителѣ. Это заставляетъ каждого составлять работу такъ, чтобы ее можно было читать вслухъ не краснѣя, а гордо и смѣло.

2). Преподавая правописаніе въ 5 и 6 отд., я наткнулся на важный „пробѣлъ“: ученики мало знакомы со *словопроизводствомъ.* Въ послѣднихъ отдѣленіяхъ эта работа скучна. Надо ввести ее въ 3 или 4 отд., гдѣ можно устроить даже спортъ: кто произведетъ больше производныхъ отъ одного корня.

3). Въ числѣ работъ *по изложенію* я даю „Робинзонъ-Крузе“ (10 *минутъ*—по переработкѣ Бунакова въ книгѣ „Въ пиколѣ и Дома“ г. II). Ученики пишутъ на нее съ удовольствіемъ: ихъ занимаетъ то, какъ изъ отдѣльныхъ частей получается одинъ большой и стройный рассказъ. Въ этой работѣ есть повѣствовательный и описательный элементъ.

4). Что-бы ни говорили и ни писали *о диктантахъ,* они для изученія правописанія безусловно необходимы. Говорю лишь о систематическихъ диктантахъ. Всѣ иные диктанты заставляютъ ученика догадываться о томъ, что ему не сообщалось, а потому вредны: они приучаютъ дѣлать ошибки. Видѣть ошибки—учиться ошибаться...

5). Часто бываетъ, что ученики, плохо отвѣчая урокъ или на вопросы, думаютъ, что они *не умѣютъ говорить.* Чтобы доказать, что это не такъ, я спрашиваю: какъ звать отца? сколько лѣтъ? и пр. Ученики отвѣчаютъ быстро и убѣждаются, что они говорить умѣютъ, но не знаютъ хорошо того, о чемъ приходится говорить.

6). При *повтореніи ариѳметики* я прибѣгаю иногда къ такому способу. Пусть каждый ученикъ выберетъ изъ отдѣла тѣ вопросы, на которые онъ отвѣтитъ не умѣетъ, и предложитъ ихъ всѣмъ товарищамъ при учителѣ.

7). При изученіи нѣкоторыхъ предметовъ, напримѣръ минералогіи я даю ученикамъ придумывать къ тексту книги свои *вопросы.* Такимъ образомъ они прекрасно знакомятся съ текстомъ и потомъ прекрасно же отвѣчаютъ на собственные вопросы.

8). Полезно въ начальной школѣ „заразить“ учениковъ любовью къ *кружкамъ:* могутъ образоваться „кружекъ любя-

телей ариметики“, „геометріи“, „страстныхъ читателей“, любителей сочинять“ и проч.

9). Хорошо съ учениками старшихъ отдѣленій бесѣдовать *на темы жизни*. Можно отпрапляться отъ басенъ Крылова или стих. нашихъ поэтовъ.

10). Полезно въ концѣ урока задавать классу, или отдѣльному ученику, вопросъ: „что новое узналъ ты на этомъ урокѣ“? Тогда и разсѣянные ученики будутъ стараться подмѣтить „искомое новое“. Съ этою мыслью они будутъ садиться на урокъ, а это очень полезно.

III.

Прочитавъ, въ объявленіи объ изданіи „Откликовъ народнаго учителя“, приглашеніе сообщать дневники, я обрадовался: я велъ дневники три года, и потому подумалъ, что найду въ нихъ что нибудь достойное вниманія читателей журнала, б. ч. своихъ коллегъ. Сталъ ихъ просматривать и ужасно разочаровался: я не нашелъ ни одной строчки годной для печати. Такою пустыней повѣяло на меня, что я не понималъ, какъ могъ я такъ жить назадъ тому два года. Привожу нѣсколько страничекъ для характеристики той „пустыни мрачной“, въ которой „я влачился“.

15 февраля 1903 г.

У меня б. ч. скверное настроеніе. Я не хочу думать, что это происходитъ отъ какихъ либо физическихъ причинъ. Я упорно объясняю это духовнымъ. Мнѣ думается, что у меня слаба память и воображеніе. Я не помню ничего изъ прошлаго и не радуюсь ни на что изъ будущаго.

Сейчасъ меня тяготитъ глушь. Между тѣмъ, въ семинаріи мы, подъ вліяніемъ Некрасова, Глѣба Успенскаго и др. народниковъ, составили картину учительства въ глуши, полную поэзіи. Это сбылось и стало скучнымъ. Стремясь въ глухую деревню, я утѣшался тѣмъ, что „свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ“, что „сохраняется дольше въ глуши первоначальная ясность души“ и т. д. Живя въ городѣ, я радовался, что буду имѣть возможность жить на лонѣ природы, гдѣ и поле и лугъ и лѣсъ и Волга! Все это сбылось и я это не цѣню!

Мечталъ я перейти въ С. уѣздъ. Перешелъ. Вижу, что земство относится къ народному образованію оч. внимательно и не жалѣетъ на него средствъ. Есть уѣздная учительская

библіотека. Я живу въ одномъ изъ лучшихъ зданій по уѣзду. Но все это не шевелитъ мою душу. Что-то шепчетъ: это не то!

Былъ я на курсахъ въ Самарѣ. Видѣлъ братское отношеніе къ намъ людей науки и „начальства“. Чувствовалъ, какъ обаятельно это дѣйствовало на меня. Чувствовалъ я, что какъ рыба въ водѣ или птица въ воздухѣ свободно плаваю и летаю въ этой новой, но родной мнѣ средѣ... Теперь это стерлось съ души, забылось.

Вижу, что память и воображеніе мои не атрофировались а чѣмъ-то искалѣчились. Все хорошее я забываю, а дикое и злое помню. Впереди я способенъ рисовать лишь одно мрачное. Все свѣтлое, идеальное завѣшено непроницаемой завѣсой скептицизма.

Чѣмъ же это объяснить? Объясняю я (не знаю, вѣрно-ли) это подавляющимъ дѣйствіемъ окружающихъ картинъ народной бѣдности и темноты. Ни дѣти, ни ихъ родители не поддаются вліянію моей жизнерадостности, а, наоборотъ, нагоняютъ на меня уныніе и безнадежность.

9 марта.

Сегодня я былъ золъ весь день. Отъ чего? Можно сказать прямо, что „съ холоду и съ голоду“. Помѣщенія для дровъ при школѣ нѣтъ. Остатки приходится собирать, выкапывая изъ льда на томъ мѣстѣ, гдѣ были сложены дрова. Ночью еще былъ снѣгъ и дождь. Сторожъ и жена долго не могли растопить печи и получилось—въ школѣ холодно, а въ квартирѣ—голодно:—завтракъ чуть сготовился къ 12 ч. дня. Много я кричалъ на ребяташекъ и теперь, въ 10 ч. вечера, хочется негодовать... Читалъ отчетъ инспектора за 1902 г. и вычиталъ, что онъ совѣтуетъ строить зданія школъ съ дворовыми службами и баней. А до сихъ поръ этого даже и не предполагалась. Дѣйствительно, при школахъ были однѣ ретирады. Впрочемъ при многихъ школахъ нѣтъ и квартиръ, развѣ одному „завѣдующему“. Вспоминаются слова одной старушки-жены учителя: „что это, Н. Н., мода что ли такая? У поповъ, дьяконовъ, дьячковъ, писарей дома съ дворами, а при школѣ—нѣтъ ни кола. Мы со старикомъ сколько разъ держали корову у крыльца на веревочкѣ, а куръ подъ печкой, пока онъ самъ не сколачивалъ что-нибудь“.—Я прошлю осенью переѣзжалъ изъ одной школы въ другую за

80 в. и насмотрѣлся на учительскія „хоромы“. Я замѣчалъ: если домъ стоитъ недалеко отъ храма и съ каретниками, конюшнями, навѣсами и баней—это или дома духовенства, или вол. правленіе. На этой же площади домъ, вокругъ котораго ни кола, ни двора—школа.—И крестьяне считаютъ это вполне естественнымъ. На одномъ ночлегѣ мнѣ пришлось слышать даже такое наивное разсужденіе хозяина хаты: у насъ учителю-то выстроили дворъ и даже баню, словно попу. Меня эти слова окончательно взбѣсили. Словно „попъ“ и писарь—люди, а учитель—бездомная кукушка. У учителя, если онъ семейный, можетъ быть корова, куры... Надо корову укрыть зимой отъ большого холода, лѣтомъ отъ дождя; а о курицѣ и говорить нечего: „мокрая курица“ вошла въ половицу, какъ явленіе нежелательное.

24 Марта.

Въ большія окна класса смотритъ ночь, темная—темная... Я сижу за столомъ надъ этими листами и выливаю свою скорбь. Часы тикаютъ, то рѣзко и звонко, то мягко и тихо. Въ квартирѣ гремятъ посудой—убираютъ со стола послѣ ужина. Слышатся колыбельныя импровизаціи—укачиваютъ Саню. Ему не здоровится: онъ часто вскрикиваетъ... Вотъ окружающая меня дѣйствительность. Конечно, скучно и тоскливо. Иначе и не можетъ быть, т. к. я только и дѣлаю, что прислушиваюсь къ своему настроенію.

Нѣтъ у меня дѣла, въ которое-бы ушла вся душа... Соглашаюсь съ тѣми, которые вѣрятъ въ чудное вліяніе „любящей женской души“. Но я одинокъ... Это не противорѣчитъ колыбельнымъ пѣснямъ. Это правда. Причина во мнѣ: я—не человѣкъ, а сухарь... я высушилъ себя за книгами; вмѣсто развитія и совершенствованія онѣ изуродовали меня, убили жизнерадостность. Впрочемъ можетъ быть это неизбежный путь русскаго самосознанія? Утѣшаюсь хоть этимъ... А все-таки—какое мучительное состояніе—не жить, а быть зрителемъ жизни. Я былъ въ семинаріи. Почему насъ тамъ не развивали здорово и гармонично. Мы сами искали развитія и находили „уныніе“. Или при настоящей русской дѣйствительности нельзя быть счастливымъ?..

Только самое раннее дѣтство блеститъ яркой звѣздой... „Моя юность цвѣла за туманомъ густымъ“. Не забуду никогда этотъ случай. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, когда я

сдѣлался сухаремъ. Я сижу надъ книгами. Вбѣгаетъ товарищъ по квартирѣ Гриша И. со двора и возбужденнымъ, но разочарованнымъ голосомъ говоритъ: „а! это ты одинъ тутъ, а я думалъ, еще кто есть. Летитъ стая лебедей“. Онъ знаетъ, что я не оторвусь отъ Михайловскаго для лебедей.. Въ его голосѣ звучало еще одно: ты человѣкъ не жизни, а книги, сухарь, трупъ. Теперь я знаю и понимаю, что Михайловскій и лебеди не контрасты, а одно. Тогда было въ чтеніи книгъ что-то болѣзненно уродливое. Я не возражалъ Гришѣ, хотя чувствовалъ что я не трупъ и лебеди мнѣ роднѣе, чѣмъ ему. Можетъ быть эта его клевета и заставила меня запомнить этотъ моментъ. Я до сихъ поръ помню выраженіе его лица; какъ сейчасъ вижу переломленную палочку въ его рукѣ; какъ онъ махалъ ею, словно цѣпомъ. Онъ стоялъ въ фуражкѣ на затылкѣ и на одной ногѣ: другая спѣшила шагнуть къ лебедямъ. Сказавъ все это скороговоркой, онъ убѣждалъ наблюдать лебедей, а я—къ Михайловскому.

Это воспоминаніе всегда будитъ во мнѣ двойное чувство: и сознаніе своей безжизненности и пробуждаетъ чувство жизни. Просятся чувства на бумагу и ищутъ приемъ:

Впередъ впередъ куда-то

Летятъ мои мечты,

Туда, гдѣ всѣ богаты,

Нѣтъ голи, нищеты...

Однако и не это

Одно влечетъ туда:

Страна тамъ правды, свѣта

И равнаго труда....

Тамъ нѣтъ такихъ контрастовъ,

Какіе видимъ здѣсь...

Тамъ равенство и братство,

Не знаютъ тамъ про спѣсь.

Любовь тамъ не на сценѣ,

А въ жизни ужъ царить.

Къ такой-то перемѣнѣ

Стремленьемъ духъ горить.

Тамъ черезчуръ богатыхъ

И чистыхъ нѣтъ господъ:

Живутъ тамъ въ равныхъ хатахъ,

Не знаютъ недородъ...

Тамъ университеты
И въ малыхъ деревняхъ.
Не струсятъ тамъ кометы
Съ хвостомъ на небесахъ...

Какъ хочется мнѣ, братцы,
Пожить въ такомъ краю;
Потомъ ужъ перебраться,
Въ могилушку свою.

9 апрѣля. Пасха.

Пройдетъ Пасха. Немного позанимаемся, а тамъ—каникулы, отдыхъ. Отъ чего? Отъ дѣла? Я усталъ не отъ дѣла, а отъ бездѣлья, отъ тоски, отъ скуки, а тутъ какъ нарочно и начнется это полнѣйшее бездѣлье. Чѣмъ занять эту уйму свободного времени?

13 апрѣля.

Въ деревнѣ весело: на улицѣ пѣсни—дѣвушки Красную Горку празднуютъ. И дневникъ у меня будетъ смѣшной. Я вспомнилъ стихи Некрасова: „ой люди—люди русскіе“ и т. д. Вотъ поводъ. Прихожу къ сосѣднему учителю и вижу за стекломъ этажерки открытки съ портретами Горькаго, Андреева, Шалапина и мѣстнаго уроженца—Скитальца. Гдѣ взяли? Жена учителя сообщаетъ: вольскій семинаристъ—нашъ бывшій ученикъ привезъ и повѣсилъ было на стѣнку, а его отецъ, въ ожиданіи батюшки, убралъ. Не велитъ онъ такіе портреты вѣшать. Вотъ они къ намъ и попали...

15 апрѣля.

Вчера съ сосѣднимъ учителемъ изъ деревни ходили въ село, на пчельникъ о. Стефана. Весна. На улицѣ тепло и ясно. Дѣвушки пѣсни распѣваютъ. Какія всѣ веселыя, игривыя, нарядныя, опрятныя, здоровыя! Такъ бы всѣхъ и расцѣловалъ! Любо глядѣть! Что-же! не всѣмъ, какъ мнѣ, киснуть, стонать да жаловаться...

14 мая.

Былъ экзаменъ. Кончили курсъ всѣ мои пострѣлы. На экзаменѣ они были въ пять разъ хуже, чѣмъ до. Должно быть струсили графа. Буду считать годъ законченнымъ. Признаюсь, доволенъ, что инспекторъ не видѣлъ этотъ экзаменъ: хотя и чувствую, что занимаюсь усердно и не для него, а для самихъ дѣтей, но не хотѣлъ бы видѣть его разочарованнымъ;

вообще я не люблю, когда во мнѣ разочаровываются. Лучше не подавать никакихъ надеждъ, но добросовѣстно работать.

Въ этомъ году у меня была страшная безалаберщина въ душѣ, а потому и въ дѣлахъ. Надо за лѣто поготовиться, главное ориентироваться и успокоиться. Я привыкъ довѣрять дневнику свои мысли. Буду продолжать. Писанье дневника часто похоже на бормотанье пьянаго съ самимъ собою. Одно достоинство: что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ. Изложу съ приемами свой взглядъ на дневникъ.

Тебя забыть, тебя оставить,
Тетрадъ—подруга, не могу...
Съ тобою никогда не лгу.
Лишь здѣсь люблю—я Бога славить

* * *

Мой Богъ не въ небѣ безконечномъ,—
Онъ на землѣ среди людей
Въ порывѣ каждомъ онъ сердечномъ,
Въ любви Онъ—лучшей изъ идей,

* * *

Что носятъ люди, презирая
Богатство, сытость, праздность, лѣнь;
Не обѣщая нѣги рая,
Труда и братства строить сѣнь...

18 мая.

Сегодня говорилъ съ мужиками о подвозкѣ школьныхъ дровъ, которыя должны быть перевезены въ „междупарь“, т. е. послѣ сѣва до начала др. работъ... Мужики называютъ школу чисто-земской и намѣреваются даже за подвозку дровъ что-нибудь взять или хотъ выпить вина... Какая нелѣпость: работать для себя и пить съ себя вино за трудъ. Скверно на душѣ: хочется завязать глаза и убѣжать отсюда.

Сегодня были гости: сосѣдній учитель съ женой, его коллега, ученикъ и ученица старшаго отдѣленія... При нихъ я чуточку повеселѣлъ, а потомъ опять застоналъ...

Какая тоска, какія адскія мученья гнѣзятся въ моей душѣ! Сижу въ обществѣ себѣ подобныхъ, болтаю, смѣюсь, а въ глубинѣ души страдаю... уединюсь—мучаюсь. Неужели меня тяготитъ семья, т. к. въ глубинѣ души я босьякъ. Разговаривали между прочимъ о деревенскихъ свадьбахъ. Учи-

тельница сосѣд. села сказала: „невѣсты предъ вѣнцомъ всегда плачуть“, а мужъ ея добавилъ: „а женихи всегда плачуть послѣ вѣнца“... Всѣ засмѣялись...

Долго не спалъ. Выходилъ пройтись по деревенской улицѣ. Впечатлѣнія дня отлились въ опредѣленную форму. Вотъ она:

Посмотришь, послушаешь—тихо въ селѣ,
Какъ будто всѣ счастливы, кротки...
А сколько людей прочернѣли во злѣ...
Въ словахъ лишь ехидныя нотки...
О люди! Лжецы, лицемѣры, ханжи!
Какъ портите жизнь вы земную...
О, небо! Скорѣ мнѣ путь укажи
Въ страну мира—счастья иную!..
Желаю со всѣми жить въ мирѣ, въ ладу:
Мы братья, вѣдь, всѣ по Адаму...
Зачѣмъ же живемъ мы, какъ черти въ аду,
Копаемъ другъ другу мы яму?
Мы зависти, мести, и злобы рабы...
Придетъ ли конецъ для свирѣпой борьбы?

20 мая.

Вчера не писалъ, потому что жилъ. Ходилъ по вольному свѣту, видѣлся съ людьми, живущими на другихъ точкахъ земли, т. е. по-просту ходилъ въ сосѣднее село за 20 верстъ и видѣлся съ учителями. Пока шелъ, былъ счастливъ; отказался доѣхать верстъ 5 съ понутчикомъ: такъ хорошо себя чувствовалъ въ обществѣ птичекъ, травки, легонькаго вѣтерка и яркаго, но не жаркаго весенняго солнышка. Попутчикъ былъ сосѣдній батюшка. Я скаламбурилъ: нравится пройти по зеленому ковру; вы не цѣните эти ковры—у васъ есть другіе, въ залѣ... Лишь дошелъ до села, до квартиры учителей, въ душу потекли гадкія вѣсти: П. уходитъ изъ учителей въ чиновники-надзиратели реальнаго училища, Ө.—въ дьяконы, Ж.—въ Сибирь—въ попы. Въ О-ку нуженъ такой учитель, который бы часто ходилъ къ земскому начальнику не по необходимости, а по влеченію сердца. Послѣ чаю читали „Разказы“ А. П. Чехова. Хозяинъ прочелъ: „Налимъ“ и „Лошадиная фамилія“, я—„Святою ночью“ и „Вѣдьма“.

Въ свою деревню возвращался поздно ночью. Не спали только деревенскіе ребята; они шли по улицѣ и горланили:

Мы гуляемъ по ночамъ,
Не уступимъ богачамъ.
Богачи на насъ дивятся;
Мы поемъ, а они злятся.

IV.

К. А. Литвищенко. „Систематическій сводъ правилъ русскаго правописанія. Изд. К. Тихомирова. М. 1904 г. Цѣна 60 коп.

Онъ-же. Сборникъ систематическихъ диктантовъ.—Изд. К. Тихомирова. М. 04 г. Ц. 80 к.

Въ нынѣшнемъ учебномъ году я впервые ознакомился съ этими трудами учителя—практика. Смѣло могу сказать, что всякій учитель, который выпишетъ ихъ, будетъ ими очень доволенъ. Я нашелъ въ нихъ то, что давно искалъ въ пособіяхъ по Р. Я. для себя, а особенно для учениковъ.

Коротко можно сказать, что первая книга есть обработка для учениковъ русскаго правописанія Грота. При ней есть 5 приложений: 1. Списокъ корней съ б. „ѣ“. 2. Орфографическій указатель (отличается полнотою и опредѣленностью). 3. Ученіе о строчныхъ и надстрочныхъ знакахъ (ново, точно и весьма необходимо). 4. Таблицы для грам. разбора—синтаксическаго, этимологическаго и звуковаго (это приложение истинный кладъ какъ для учителей, такъ и для учениковъ). 5. Объяснительный словарь. Это приложение и въ идеѣ и въ исполненіи оч. цѣнно. Жаль только, что въ томъ изданіи, которое распродается, много словъ, объясненіе которыхъ не необходимо (вродѣ: амбаръ, батька, бугоръ, баранъ, сдобный, шалашъ, чортъ—ихъ ученики или знаютъ отъ семьи и школы или могутъ свободно узнать), а нѣтъ такихъ, которыя встрѣчаются сплошь и рядомъ, но не употребляются въ обыденной рѣчи (реальный, оптимизмъ, типъ и др.). Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что словарь составленъ примѣнительно къ своимъ книгамъ, а не съ тѣмъ, чтобы замѣнить для ученика *краткій словарь непонятныхъ словъ*. Между тѣмъ—до этого ему не далеко. Мнѣ думается, авторъ для новаго изданія пересмотритъ эту часть книги и не посѣтуетъ на меня.

Главное достоинство „диктантовъ“—полнота. Есть такіе диктанты, какъ на сочетанія гласныхъ Ы и І свистящей Ц, что въ другихъ сборникахъ не встрѣчается; на—„СЧ“ и „ЗЧ“,—смѣшиваемыя съ „Щ“, окончанія глаголовъ, „оваль“ и „еваль“, „ываль“ и „иваль“; предлоги—приставки „пре“ и „при“ и проч. Удачны повторительные диктанты на каждый отдѣлъ и литературные отрывки на повтореніе всего пройденнаго.

Предисловіе даетъ весьма цѣнныя указанія для начинающихъ преподавателей русскаго правописанія.

Во II части есть полезная для дѣла классификація знаковъ препинанія на—показатели паузы, служащіе для вѣрности тона и др.

Какъ похвалить приложенныя къ диктантамъ 300 темъ, я не нахожу словъ. Правда нѣкоторыя предназначены для учащихся болѣе развитыхъ и начитанныхъ, чѣмъ ученики 2-хъ класса сельскаго училища, но такихъ не много. Около 150 темъ снабжены подробными планами. — У 20-ти есть образцы, взятые изъ работъ учащихся; есть 4—5 работъ имѣющихъ по нѣскольку образцовъ—4, 5 и 6.—Это приложеніе безусловно полезно для каждаго учителя, обучающаго изложенію мыслей въ 2-хъ классномъ или подобномъ училищѣ, если не какъ готовый матеріалъ, то какъ примѣрно—образцовый.

Учитель Н. Н. Судаковъ.

ОТЗЫВЫ УЧИТЕЛЯ О КНИГАХЪ.

„Я выше всего ставлю теперь призваніе—готовить и книжки и учителей для народа, учителей прежде всего“, говорилъ проф. Трачевскій въ своей лекціи, читанной въ Парижѣ въ русской высшей школѣ общественныхъ наукъ—3 (16) ноября 1905 г., т. е. въ разгаръ освободительнаго движенія въ Россіи*). Исходя изъ этой мысли еще выше надо поставить призваніе готовить книжку для народныхъ учителей!..

Какія-же книжки нужны для народнаго учителя?! Вообще можно сказать, что всякая хорошая книжка, дѣйствующая развивающимъ, облагороживающимъ и расширяющимъ кругозоръ читателя образомъ,—пригодна для народнаго учителя; чѣмъ выше развитіе умственное, духовное и нравственное тѣмъ плодотворнѣе и его дѣятельность; а потому отзывы о выходящихъ книгахъ были-бы полезны для учителя,—помогая разобраться въ этомъ громадномъ матеріалѣ являющихся книгъ. Болѣе въ тѣсномъ объемѣ для учителя нужны книги, касающіяся его профессиональной дѣятельности. Здѣсь является вопросъ, какъ широка дѣятельность народнаго учителя?! Исключая благія пожеланія, а иногда и усиленные настоянія, чтобы сельскій учитель служилъ образцомъ въ дѣлахъ-земледѣлія, садоводства, огородничества, пчеловодства; давалъ юридическіе совѣты, подавалъ медицинскую помощь, распространялъ гигиеническія знанія, и многое другое, и ограничиваясь только дѣятельностью школьнаго и внѣшкольнаго образованія, можно насчитать многое, что ставитъ

*) См. лекцію подъ заглавіемъ: «Русская революція и, наша Парижская школа»—ж. Русская Мысль 1906 г. № 6, стр. 59.

ся и иногда должно поставляться въ число обязанностей народнаго учителя. Кромѣ школьнаго обученія, при многихъ училищахъ существуютъ ночлежныя *пріюты*,—здѣсь кромѣ хозяйственныхъ и гигиеническихъ наблюденій учитель долженъ и занимать дѣтей играми или ручнымъ трудомъ, а также руководить и общими чтеніями; для оживленія обученія долженъ дѣлать съ учениками прогулки, экскуріи, составлять коллекціи разнаго рода и пр. и пр.; долженъ устраивать чтенія съ волшебнымъ фонаремъ для учащихся и для взрослыхъ;—часто устраивать для взрослыхъ или повторительныя курсы или воскресную школу,—бесплатныя бібліотеки для населенія,—иногда лѣтніе *пріюты*—ясли и т. д. Все это часто входитъ въ кругъ обязанностей народнаго учителя, конечно не все вмѣстѣ, а частями. Хорошо еще когда выборъ такого занятія для учителя свободенъ, чаще-же всего происходитъ подъ внѣшнимъ давленіемъ мѣстныхъ условій, настояній окружающей среды, настоявій многочисленнаго начальства, даже подъ вліяніемъ господствующихъ временныхъ идей общества, какъ проба и т. д. Да и самое дѣло обученія и воспитанія въ школѣ поставяетъ много вопросовъ, которые и обсуждаются съ разныхъ сторонъ въ совершенно новомъ освѣщеніи, вызывая въ нынѣшней литературѣ, такъ называемую,—„переоцѣнку всѣхъ цѣнностей въ дѣлѣ народнаго образованія“ *)

Чтобы помочь учителю полнѣе разобраться въ этихъ вопросахъ или—лучше примѣнить на практикѣ какой-либо *пріемъ дѣйствія*, въ послѣднее время появилось много книгъ и брошюръ. Здѣсь мы хотимъ дать отзывы о такихъ книгахъ главнымъ образомъ со стороны ихъ приложимости къ практикѣ народнаго учителя,—не оставляя безъ разсмотрѣнія и идейной ихъ стороны;—при чемъ желательно было-бы вызвать и въ самихъ народныхъ учителяхъ желаніе давать подробныя отзывы о книгахъ, ихъ интересующихъ.

На первое время мы беремъ серію книжекъ, изданныхъ Н. В. Тулуповымъ и П. М. Шестаковымъ, подъ общимъ заглавіемъ: „*Для народнаго учителя*,“ изд. 1904—1905 годовъ.

— Выпускъ первый. *Законы, правительственныя распоряженія и друія свѣдѣнія, относящіяся къ быту народныхъ учителей*

*) Такъ озаглавлена статья А. А. Николаева въ ж. Вѣстникъ Знанія 1905—9.

лей, за 1903-й годъ М. 1904 г. ц. 7 к. Изданіе неоффициальное (Мин. Нар. Пр. *допущенъ* въ бесплатныя народныя библіотеки—читальни).

Сначала говорится о пенсіонной кассѣ народныхъ учителей; Высочайшія отмѣтки, касающіяся контингента учащихся въ народныхъ школахъ; положенія объ уѣздныхъ отдѣленіяхъ обществъ взаимнаго вспомошествованія учащимъ и учившимъ,—какъ образецъ приведены правила кассы взаимопомощи учителей и учительницъ Нижегородской губерніи; положенія о педагогическихъ курсахъ (временныхъ) и совѣщаніяхъ; служебныя права учащихся въ начальныхъ училищахъ и прочія свѣдѣнія, касающіяся начальныхъ учителей Въ числѣ послѣднихъ отдѣльныя распоряженія—въ защиту личности учителя, какъ напр. приказъ Черноморскаго губернатора,—предлагающій „всѣмъ начальникамъ округовъ внушить подвѣдомственнымъ имъ должностнымъ лицамъ сельскихъ правленій необходимое почтительное отношеніе къ учителямъ и учительницамъ“... „Объ огражденіи учащихся народныхъ училищъ на Кавказѣ отъ неправильныхъ дѣйствій представителей городскихъ и сельскихъ обществъ“.. Приказъ Кіевскаго, Подольскаго и Волинскаго генералъ—губернатора почти однородный съ приказомъ Черноморскаго губернатора. Изъ краткаго перечня видно, что здѣсь говорится главнымъ образомъ о личныхъ правахъ начальныхъ учителей и ихъ взаимопомощи... Отдѣльныя-же распоряженія подчеркиваютъ, такъ сказать, безправное положеніе учительскаго персонала въ отношеніи окружающихъ лицъ,—что вызвало отдѣльные приказы высшихъ властей, такъ что даже въ Высочайшей отмѣткѣ: „Его Императорскому Величеству благоугодно было... преподать Министру Народнаго Просвѣщенія указаніе, чтобы Министерство всемѣрно озаботилось спеціальною подготовкою народныхъ учительницъ, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащія мѣры къ огражденію ихъ отъ тяжелыхъ нравственныхъ и бытовыхъ условій, которыя ставятъ въ безпомощное положеніе беззащитныхъ труженницъ“... (19). Черноморскій губернаторъ констатируетъ факты, что сельскія власти не только не оказываютъ содѣйствія учительницѣ въ школьныхъ нуждахъ,—„но позволяли себѣ въ грубой формѣ вмѣшиваться въ преподаваніе, предлагая бессмысленные вопросы и даже вторгаясь въ частную жизнь учи-

тельницы"... При чемъ онъ, также и попечитель Кавказскаго учебнаго Округа и Кіевскій генераль-губернаторъ,—указываютъ исходъ изъ такого затруднительнаго положенія—жалобы вышнему начальству...

Очень желательны и полезны такіе сборники и за слѣдующіе годы,—только при этомъ для большого и широкаго использованія законоположеній и распоряженій желательно болѣе подробное и точное обозначеніе,—въ какомъ оффиціальномъ органѣ оно появилось,—чтобы облегчить справки, такъ какъ въ просьбахъ и ходатайствахъ требуются точныя указанія. Въ настоящемъ случаѣ—„выпускъ первый“ *допущенъ* въ бесплатныя бібліотеки—читальни и слѣдовательно можетъ служить опорой, хотя изданіе „неоффиціальное“... Нужда въ такихъ сборникахъ такъ настоятельна, что „выпускъ первый“—быстро „распроданъ“...

— *Выпускъ второй. Просвѣтительныя учрежденія при народныхъ училищахъ.* (Новыя правила о книжныхъ складахъ, народныхъ бібліотекахъ и народныхъ чтеніяхъ при начальныхъ народныхъ училищахъ и другія справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ устройству и веденію названныхъ учреждений) ц. 5 к. М. 1904 г. Изд. неоффиціальное.

Несомнѣнно, что самое дѣло народнаго учителя, занятія съ дѣтьми, часто въ переполненной школѣ, съ тремя отдѣленіями, съ ночлежнымъ помѣщеніемъ, съ приготовленіемъ къ урокамъ, просмотромъ письменныхъ работъ и т. д.,—требуетъ отъ него, громаднаго напряженія силъ, увеличиваемаго необходимымъ и обязательнымъ условіемъ дѣятельности его по внѣшкольному образованію народа, какъ часто единственнаго просвѣтительнаго центра для окружающаго населенія. Всякая попытка облегчить этотъ трудъ и способствовать развитію внѣшкольнаго образованія народа заслуживаетъ глубокаго вниманія и широкаго распространенія. Къ такимъ попыткамъ,—очень плодотворнымъ по своей цѣлесообразности—можно отнести названную книжку (выпускъ 2-й).

Здѣсь кромѣ узаконеній о названныхъ въ заглавіи просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, приведены многочисленныя справочныя свѣдѣнія; напр.: литература о книжныхъ складахъ (перечислено 5 названій); фирмы, издающія дешевыя книги, и земскіе книжные склады“ (21 фирма и 16 земскихъ складовъ); какіе можно найти указатели книгъ, одобренныхъ

Мин. Нар. Просвѣщенія, а также указатели книгъ для чтенія; списки справочныхъ книгъ по устройству народныхъ чтеній, изготовленію тѣневыхъ картинъ и способовъ употребленія волшебнаго фонаря и др. Къ чтеніямъ прибавлены, правила: „О медицинскихъ бесѣдахъ земскихъ врачей въ народныхъ училищахъ“, „о народныхъ чтеніяхъ по медицинѣ, гигиенѣ, ветеринаріи и животноводству“ и свѣдѣнія по законовѣдѣнію; (пропущено положеніе о народныхъ чтеніяхъ по сельскому хозяйству, изд. 1905 г. *).

Такъ что книжка можетъ быть полезнымъ и цѣннымъ руководствомъ не только для народныхъ учителей, а для всѣхъ культурныхъ работниковъ, желающихъ принять участіе въ распространеніи внѣшкольнаго образованія въ народѣ. Книжка очень полезная; но время идетъ и теперь развитіе внѣшкольнаго образованія движется ускореннымъ темпомъ, а потому и желательна-бы переизданіе этого выпуска съ прибавленіемъ новыхъ данныхъ и новыхъ пособій по внѣшкольному образованію.

— Выпускъ третій. *Общеобразовательныя учрежденія для взрослыхъ.* (Законы и другія справочныя свѣдѣнія о школахъ, курсахъ, классахъ, учебныхъ мастерскихъ и лекціяхъ, устраиваемыхъ для взрослога населенія). М. 1904 г. ц. 8 коп. Изданіе неоффициальное.

Этотъ выпускъ предназначается болѣе для дѣятелей по народному образованію, такъ какъ многія изъ приводимыхъ въ ней свѣдѣній объ образовательныхъ учрежденіяхъ далеко превышаютъ компетенцію начальнаго народнаго учителя.

Во 2-й половинѣ брошюры приведены законоположенія:

1) объ учрежденіи въ Петербургѣ и Москвѣ, въ вѣдѣніи городскихъ училищныхъ совѣтовъ, дополнительныхъ классовъ при начальныхъ народныхъ училищахъ;

2) Высочайше утвержденное 25-го мая 1881 года мнѣніе Государственнаго Совѣта объ училищахъ, учреждаемыхъ Императорскимъ Русскимъ Техническимъ обществомъ;

3) правила объ урокахъ, учреждаемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ для взрослога населенія;

4) объ организаціи учителями среднихъ учебныхъ заведеній публичныхъ курсовъ и лекцій;

*) Въ числѣ пособій пропущена очень цѣнная книжка Ладыженскаго «Помощь народнаго учителя внѣшкольному образованію» М. 1902г. ц. 20—помѣченная въ 8-мъ выпускѣ.

5) о курсахъ профессиональныхъ знаній для рабочихъ;
6) воскресныя школы; образовательныя учрежденія для взрослыхъ, находящіяся въ вѣдѣнїи Министерства Финансовъ: а) техническія и ремесленныя учебныя мастерскія и курсы; б) торговыя школы.

Этимъ не исчерпывается разнообразіе видовъ учебныхъ учрежденій для взрослыхъ, что и показываетъ первая половина брошюры, озаглавленная: „Изъ хроники образовательныхъ учреждений“, гдѣ въ самыхъ общихъ чертахъ дается описаніе нѣкоторыхъ изъ практическихъ начинаній въ этой области.

Даются свѣдѣнія о лекціяхъ и курсахъ, устраиваемыхъ профессорами университетовъ, учителями среднихъ учебныхъ заведеній,—общеобразовательныхъ по разнымъ предметамъ (географіи, исторіи, фізіологіи, химіи и физикѣ, зоологіи, геологіи, политической экономіи и т. п.) или по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній; заканчивается сельскими повторительными курсами и курсами для взрослога грамотнаго населенія.

Вообще говорится въ предисловіи книжки: „Разнообразны запросы народа на образованіе, разнообразны и условія, при которыхъ это образованіе можетъ получить народъ. Было-бы огромной ошибкой поэтому предлагать для всей Россіи, такъ разнообразной въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, какой-либо одинъ типъ образовательнаго учрежденія, какими бы совершенствами ни обладалъ оңъ. Поэтому мы находимъ болѣе цѣлесообразнымъ представить въ настоящей брошюрѣ нѣсколько видовъ просвѣтительныхъ учреждений для взрослыхъ, выборъ изъ которыхъ долженъ быть сдѣланъ самими устроителями, примѣняясь къ мѣстнымъ особенностямъ“ (стр. 6).

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ дѣломъ въ концѣ книжки приведены списки пособій: литература по вопросамъ просвѣщенія взрослыхъ (14 назв.); пособія для учащихся (32 назв.) и первоначальные учебники для взрослыхъ учащихся (16 назв.). Въ первомъ списокѣ нѣтъ указаній на журнальныя статьи, хотя напр. ж. „Русская Школа“ постоянно даетъ подробныя и свѣжія свѣдѣнія—хроники объ образовательныхъ учрежденіяхъ для взрослыхъ. Въ послѣдней главѣ мало перечислено пособій.

Вообще же книжка составлена не только съ знаніем дѣла,—а и съ любовію къ нему,—такъ что можетъ служить не только очень полезнымъ справочникомъ, а и возбудить желаніе и любовь заняться на поприщѣ народнаго образованія въ соотвѣтствующемъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что „современная Россія жадно хочетъ учиться“ (слова В. И. Ковалескаго, предисл. стр. 5) и въ послѣднее время общеобразовательныя учрежденія развиваются въ Россіи съ особенной быстротою...

— *Наглядность обученія и наглядныя пособія въ начальной школѣ.* Выпускъ четвертый. Составилъ Н. В. Чеховъ. М 1904 г., ц. 12 коп.

Самый методъ нагляднаго обученія, пользующійся одновременно органами зрѣнія, слуха, а иногда и мускульнаго ощущенія, вполне соотвѣтствуетъ духовной природѣ человѣка и обычному способу составленія понятій. „Ничто не можетъ проникнуть въ умъ, помимо внѣшнихъ чувствъ“, говоритъ отецъ нагляднаго обученія Амосъ Коменскій... (стр. 5) Такъ говорится въ началѣ книжки, гдѣ излагаются общія понятія—„наглядность обученія и наглядныя пособія въ начальной школѣ“. Далѣе на примѣрахъ выясняется значеніе этихъ пособій въ курсахъ учебныхъ предметовъ: роднаго языка, ариѳметики, закона Божія, міровѣдѣнія, отечествовѣдѣнія; указываются „приемы нагляднаго обученія“, основанные на фактахъ совѣты и говорится о „снабженіи школъ наглядными пособіями“.

Въ приложеніи помѣщены: 1) списки наглядныхъ пособій, пригодныхъ для каждой школы; 2) подвижной музей курскаго губернскаго земства (перечисленіе пособій на сумму 200 р.); 3) списокъ имѣющихся въ продажѣ наглядныхъ пособій, пригодныхъ для начальныхъ народныхъ школъ; 4) списокъ мастерскихъ, изготовляющихъ наглядныя учебныя пособія и торгующихъ ими; 5) проектъ нормальнаго устава педагогическихъ музеевъ по начальному образованію; 6) списокъ подвижныхъ и нѣкоторыхъ показныхъ музеевъ наглядныхъ учебныхъ пособій; 7) списокъ нѣкоторыхъ пособій и руководствъ при составленіи коллекцій и пользованіи наглядными учебными пособіями.

Изъ одного перечисленія содержанія видно, что книжка является руководствомъ, всесторонне охватывающимъ пред-

метъ,—съ цѣнными практическими указаніями для исполнѣнія сознанои необходимости введенія наглядности въ нашей школѣ. Всѣ эти указанія чрезвычайно полезны практически не только для учителей, а для всѣхъ лицъ, имѣющихъ вліяніе на ходъ училищнаго дѣла,—напр. земцевъ, инспекторовъ и др. Надо желать самаго широкаго распространенія этой книжки,—при чемъ при слѣдующихъ изданіяхъ можно надѣяться, что будутъ пополнены нѣкоторые пропуски,—а главное прибавлены свѣдѣнія о развитіи соответствующаго дѣла,—такъ какъ оно быстро развивается...

— *Учительскія общества*, ихъ задачи и организація. (Съ приложеніемъ нормальнаго устава обществъ взаимнаго вспоможенія учащимъ и учившимъ, нормальнаго устава ихъ учебныхъ отдѣленій и списка существующихъ учительскихъ обществъ взаимопомощи и попеченія объ учащихся). Сост. Н. В. Чеховъ Выпускъ пятый. М 1904 г. ц. 12 коп.

Въ книжкѣ очень полно обрисована возможная дѣятельность такихъ обществъ, начиная съ того, „какъ открыть учительское общество взаимопомощи“, дѣятельность правленія и самаго общества; къ чему можно стремиться и чего достигать... Пособія, ссуды, сеудо-сберегательныя товарищества и кассы, другіе виды матеріальной помощи; выясненіе положенія учащихся, ходатайства объ улучшеніи ихъ положенія, помощь въ самообразованіи и профессиональной дѣятельности; образовательныя экскурсіи, юридическая помощь, изысканіе средствъ. Вотъ программа дѣятельности; при этомъ рекомендуется устройство учрежденій: общежитія для учительскихъ дѣтей, санаторій, библиотекъ и музеевъ, учительскихъ домовъ, періодическія и справочныя изданія. Къ этимъ учрежденіямъ мы прибавили-бы—пріюты для сиротъ и убѣжища для престарѣлыхъ и лишившихся трудоспособности членовъ общества.

Въ отдѣльныхъ вопросахъ книжка даетъ очень цѣнныя и подробныя указанія;—можно не соглашаться въ принципѣ общей постановки обществъ взаимопомощи. Здѣсь много отводится мѣста элементу благотворительности—филантропіи, съ ея пожертвованіями, почетными членами, членами соревнователями, благотворительными сборами, спектаклями и проч. и проч.;—хотя и отдается предпочтеніе устройству лекцій и изданію „народныхъ или нужныхъ для учащихся или уча-

щихся книгъ“ (стр. 57).

Какъ коррективъ къ преобладанію филантропіи въ дѣятельности обществъ можно указать на статью П. Фармаковского: „Благотворительность и взаимопомощь“. (Вѣстн. Восп. 1902 г. № 3, стр. 180—192). Благотворительность—филантропія, составляя фикцію полезнаго дѣла, развращаетъ самихъ благотворителей и благотворимыхъ, поселяя въ первыхъ „какое-то презрѣніе и высокомеріе“ къ опекаемымъ, въ послѣднихъ вызываетъ приниженность, боязнь и даже „надежды на чужой карманъ“.

„Единственная поддержка, которая можетъ быть для такого общества допустима, говорить г. Фармаковский,—это со стороны различныхъ учрежденій, гдѣ служатъ его члены. Поддержка эта не будетъ носить на себѣ благотворительнаго отбѣнка, а будетъ являться лишь заботой каждаго учрежденія объ улучшеніи быта состоящихъ при немъ лицъ“. Въ статьѣ указаны „печальные примѣры вліянія благотворительности на учителей“... Такихъ примѣровъ появлялось, впрочемъ, много въ журналахъ и газетахъ (напр. ст. „Печальная исторія одного хорошаго дѣла“.—Изъ Ярославля. Образованіе 1902, № 7-8).

Да и пора народному учителю—этому просвѣтителю и воспитателю молодого поколѣнія измѣнять направленіе организаціи помощи неимущимъ своимъ сочленамъ изъ пути филантропическаго—на путь надлежащей взаимопомощи.

— *Школьные праздники*, ихъ воспитательное значеніе и организація. Выпускъ шестой. Сост. Н. В. Чеховъ. М. 1905. ц. 8 к.

„Развлеченія и забавы составляютъ одну изъ самыхъ главныхъ потребностей ихъ (дѣтей) жизни“ (стр. 3), говоритъ г. Чеховъ,—и далѣе: „являясь лучшимъ средствомъ для упражненія не только ловкости и силы, необходимыхъ для нравильнаго физическаго развитія, но и характера и правильныхъ товарищескихъ отношеній, игры и развлеченія эти должны стать могучимъ средствомъ воспитательнаго воздѣйствія школы на учениковъ. Школа, желающая имѣть воспитательное вліяніе, должна обращать на дѣтскія развлеченія такое-же вниманіе, какъ и на занятія науками“ (4).

„Но это орудіе воспитанія только тогда имѣетъ цѣну, когда дѣти любятъ его и съ увлеченіемъ предаются ему. Въ этой области, болѣе чѣмъ во всякой другой, нѣтъ и не можетъ быть мѣста даже тѣмъ принужденіямъ“, отмѣчаетъ авторъ.

А это значительно затрудняет устройство такихъ развлеченій и вызываетъ настоятельную потребность для учителя въ широкомъ ознакомленіи съ теоріей и практикой дѣла, выработанныхъ усиліями опытныхъ людей. Къ сожалѣнію, авторъ мало приводитъ литературныхъ пособій, говорящихъ о теоріи предмета.

Оставляя для будущихъ выпусковъ игры, въ книжкѣ говорится объ устройствѣ: елки, дѣтскаго утра или вечера, литературно—музыкальнаго вечера (или утра), школьнаго спектакля, прогулокъ, въ короткихъ словахъ—праздника древонасажденія; при чемъ дается обширная программа чтеній на дѣтскихъ литературныхъ вечерахъ и списокъ пьесъ для спектаклей.

Книжка составлена съ знаніемъ дѣла и хотя кратко касается всѣхъ главныхъ сторонъ дѣла, не вдаваясь въ мелочи,—и можетъ служить очень хорошимъ практическимъ руководствомъ при устройствѣ праздниковъ.

— *Идеалы народной школы.* Составила О. В. Кайданова. М. 1905 года; п. 10 к.

Авторъ излагаетъ идеалы не болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго,—а современные, входящіе уже въ жизнь школы западной Европы и Америки. Излагая въ общихъ чертахъ идеи Коменскаго, Лютера, Руссо, Песталоцци, авторъ много отводитъ мѣста современному положенію народной школы,—сначала дѣятельности Лиги Образованія (во Франціи) и ея предсѣдателя Жана Массе, ходу дѣла въ сиротскомъ пріютѣ Prevost—и плану занятій въ немъ, постановкѣ дѣла народнаго образованія въ Америкѣ (по книгѣ Ек. Янжуль „Американская школа“). Большую рельефность и выразительность получаетъ изложеніе новыхъ взглядовъ отъ сопоставленій, удачно приводимыхъ авторомъ,—съ ходомъ дѣла въ средніе вѣка и у иезуитовъ.

Какъ высоко смотритъ авторъ на народное образованіе, можно видѣть во многихъ мѣстахъ;—приводится здѣсь примѣръ:—Когда Песталоцци явился къ Наполеону съ просьбою о помощи въ средствахъ „для осуществленія своихъ педагогическихъ плановъ“... „полное пренебреженіе и презрѣніе выразилось въ лицѣ полководца—завоевателя въ отвѣтъ на задушевную рѣчь великаго педагога“... „Прошло нѣскольکو десятковъ лѣтъ, и время дало другой отвѣтъ Песталоцци.

Наполеонъ, когда—то признававшийся геніальнымъ и великимъ, теперь развѣнчанъ окончательно и мысль о сдѣланныхъ имъ опустошеніяхъ вызываетъ лишь ужасъ; дѣло-же, начатое Песталоцци, покрывается неуважаемою славой и разрастается все болѣе и болѣе; школьное дѣло, которое онъ такъ беззавѣтно любилъ, растетъ въ своемъ значеніи непрерывно до размѣровъ центрального фактора человѣческой жизни“. (стр. 7).

Книжка читается съ большимъ интересомъ. Въ концѣ ея, глава IX, указываетъ на медленность движенія народнаго образованія въ Россіи... „Какъ ни страшно медленно, но дѣло народнаго образованія подвигается и у насъ впередъ, зрѣютъ зерна будущей лучшей жизни для Россіи и главными созидателями этихъ основъ будущей жизни являются сельскіе учителя“. (стр. 39).

Написанная сжато книжка вызываетъ многіе вопросы и не даетъ подробныхъ отвѣтовъ, поэтому нельзя не пожалѣть, что къ книжкѣ не приложено списка книгъ и статей, въ которыхъ болѣе детально излагаются новые пути и новыя попытки практически примѣнить къ обученію рациональные принципы, какъ за границей, такъ и въ Россіи... (Напр. книжки Мижуева, или статья Лозинскаго: „Попытка коренныхъ реформъ воспитанія на западѣ“—Вѣст. Восп. 1904 № 3—и др.).

— *Учительскія бібліотеки*, ихъ значеніе, организація и списокъ книгъ. Составилъ Е. А. Звягинцевъ, М. 1905 г. ц. 15 к.

Говоря о пользѣ чтенія книгъ вообще и особенно для учителя, г. Звягинцевъ выясняетъ „три главныхъ цѣли чтенія книгъ для народнаго учителя; во первыхъ, при посредствѣ печатныхъ произведеній учитель можетъ и долженъ пополнять свое, спеціальное образованіе, знакомиться съ различными педагогическими теоріями и воззрѣніями, провѣрять на собственной практикѣ общіе взгляды и техническіе приемы авторитетовъ въ области педагогіи, слѣдить за текущей разработкой вопросовъ школьнаго дѣла и народнаго просвѣщенія вообще. Во вторыхъ, при посредствѣ печатнаго слова учителю предоставляется почти единственная возможность пополнить свое общее образованіе, необходимое ему, какъ руководителю народной общеобразовательной школы и какъ

главному работнику въ сферѣ внѣшкольнаго образованія, и какъ представителю интеллигенціи въ деревнѣ. Въ третьихъ, народный учитель, живя въ деревнѣ, нуждается въ печатныхъ произведеніяхъ для легкаго чтенія, за которымъ онъ могъ бы отдохнуть умомъ и сердцемъ на правдивыхъ художественныхъ образахъ родной и переводной литературы“ (стр. 15—16).

Однако авторъ не ограничивается этими тремя цѣлямъ. „Отъ широкаго распространенія печатнаго слова въ учительской средѣ, продолжаетъ онъ, много выигрываетъ школьное дѣло и популяризація науки“... Такъ какъ „въ прямой связи съ уровнемъ общаго и спеціальнаго образованія учительства находится напряженность его творческой работы въ школѣ и его участія въ учебной литературѣ“ (курсивъ подлинника).

Соглашаясь съ приводимыми словами барона Корфа: „пока у насъ будутъ писать о народной школѣ и для народной школы только лица, въ ней не преподававшія и воспитанныя на знакомствѣ съ опытомъ, совершившимся при иныхъ условіяхъ, или же только такія лица, которыя не имѣютъ за себя ничего, кромѣ личнаго опыта въ русской школѣ, не просвѣщеннаго свѣтомъ науки и чужого опыта,—мы не подвинемъ дѣла и не создадимъ науки о воспитаніи и обученіи въ примѣненіи къ Россіи“ (стр. 16),—авторъ расширяетъ ихъ и говоритъ; „тоже самое нужно сказать и о популяризаціи науки и научныхъ свѣдѣній. Къ почетной и трудной роли популяризатора научныхъ знаній долженъ быть привлеченъ народный учитель; въ конечномъ счетѣ безъ его участія ни люди науки, ни тѣмъ болѣе спеціалисты—популяризаторы не въ состояніи передать народной массѣ научныя обобщенія и научные факты“. Это высокое назначеніе народнаго учителя будетъ постепенно осуществляться только при условіи, если онъ будетъ обеспеченъ хорошимъ подборомъ книгъ (17).

Учительскія бібліотеки бываютъ двухъ родовъ: 1) учительская бібліотека при училищахъ, и 2) бібліотеки для пользованія учителямъ,—основываемыя земствами, учительскими обществами взаимопомощи, частными лицами и пр. Авторъ говоритъ большею частію о бібліотекахъ втораго рода. Онъ ихъ дѣлитъ на три ступени—по нисходящему поряд-

ку—слѣдующія: а) общія—центральныя въ губернскихъ или уѣздныхъ городахъ,—съ обширнымъ содержаниемъ; б) районныя,—захватывающія меньшее число читателей, болѣе приближенныя къ нему и съ болѣе ограниченнымъ количествомъ книгъ и в) личныя—для каждаго учителя—въ пополненіе училищныхъ библіотекъ; приурочиваясь къ учителю библіотека „можетъ примѣняться къ той или иной подготовкѣ самого учителя—читателя“ и „въ распоряженіи учителя долженъ имѣться хотя-бы небольшой запасъ педагогическихъ и справочныхъ книгъ и брошюръ“.

„Въ дѣлѣ чтенія книгъ личный вкусъ и личная склонность вещь вполне законная и естественная“, а потому „существенное значеніе для цѣлесообразнаго выбора книгъ при учрежденіи и пополненіи учительскихъ библіотекъ, а также и для самой дѣятельности послѣднихъ, имѣетъ то условіе, чтобы сами учителя стояли-бы какъ можно ближе къ библіотекѣ, къ ея пополненію и завѣдыванію“ (стр. 21).

Въ книжкѣ говорится о начинаніяхъ по устройству учительскихъ библіотекъ, съ приложеніемъ „списка нѣкоторыхъ публичныхъ земскихъ библіотекъ для учителей и земскихъ служащихъ“... Дается довольно обширный 1) „списокъ книгъ для самообразованія“, значительно полный и въ большинствѣ названій отличающійся вполне цѣлесообразнымъ компетентнымъ выборомъ; 2) списокъ ста лучшихъ книгъ по указателю А. В. Панова и 3) списокъ книгъ, отпускаемыхъ учителямъ Курской губерніи на половинныхъ расходахъ губернскаго и уѣзднаго земствъ для подготовленія учителей къ школьнымъ занятіямъ; среди книгъ этого рода преобладаютъ очень нужныя книги, говорящія о методикахъ преподаванія русскаго языка, ариѳметики и др. предметовъ, справочныя при наглядномъ обученіи, по педагогикѣ, гигиенѣ и училищевѣдѣнію... Отсылая читателя къ самой многосодержательной книжкѣ,—выписываемъ только приведенныя въ ней слова одного учителя: „ни въ чьей жизни книга не можетъ имѣть такого значенія, какъ въ жизни сельскаго учителя. Другимъ людямъ книгу можетъ замѣнить общество, для учителя книга незамѣнима“ (стр. 24).

Послѣ восьмого выпуска серія книжекъ изд. Тулупова и Шестакова продолжается, но онѣ не носятъ характера „справочниковъ“ и уже не озаглавлены „для народнаго учи-

теля“, а потому мы и отлагаемъ разборъ ихъ до другаго раза, а теперь переходимъ къ сообщенію о другомъ изданіи.

— *Справочная книга* учительскихъ обществъ взаимопомощи. М. 1905 г. ц. 1 р. (Чистый доходъ отъ настоящаго изданія поступаетъ въ пользу Общества взаимопомощи учащимъ Тверской губерніи).

Въ началѣ идетъ „хроника учительскихъ обществъ взаимопомощи“,—каждаго въ отдѣльности,—въ алфавитномъ порядкѣ; свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ, извлечены изъ соотвѣтственныхъ отчетовъ,—очень кратки и не всегда полно характеризуютъ всю дѣятельность общества и даются за 1903-й и начало 1904 года, какъ это и указано въ первомъ примѣчаніи. Занимая менѣе одной трети всей книжки (68 стр. изъ 223), хроника не составляетъ главнаго предмета книги, хотя примѣры дѣятельности отдѣльныхъ обществъ могутъ расширять кругозоръ сочленовъ и сильно воздѣйствовать, какъ примѣръ, на дѣятельность другихъ.

Болѣе двухъ третей книжки заняты справочными свѣдѣніями, чрезвычайно полезными для учителя. Перечисляемъ вкратцѣ: „Общество попеченія о дѣтяхъ народныхъ учителей и учительницъ“ (пріютъ Е. Н. Тихомировой въ Москвѣ,—преимущественно для сиротъ); „Нормальные уставы обществъ вспомоществованія учащимъ и учившимъ“ и ихъ „уѣздныхъ отдѣленій“; Примѣрный уставъ,—выработанный на сѣздѣ 6-го января 1903 г.; проектъ устава союза учительскихъ обществъ, одобренный тамъ же; „нѣкоторыя постановленія и распоряженія, касающіяся учащихся въ начальныхъ школахъ“; „пенсіонная касса народныхъ учителей и учительницъ“, „правила:—объ учительскихъ курсахъ и сѣздахъ“; „о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ“; „о народныхъ библіотекахъ и книжныхъ складахъ“; о народныхъ чтеніяхъ; объ урокахъ для взрослога населенія. Далѣе идутъ „свѣдѣнія о санаторіяхъ, курортахъ и климатическихъ станціяхъ, съ ихъ перечисленіемъ и указаніями гдѣ находятся и при какихъ болѣзняхъ они полезны; „образовательныя экскурсіи, съ указаніями достопримѣчательностей большихъ городовъ и болѣе посѣщаемыхъ мѣстностей, такъ что эти свѣдѣнія могутъ служить руководствомъ; въ дополненіе прибавленъ списокъ книгъ путеводителей по Россіи.

„Въ помощь самообразоваванію“ сообщаетъ о „комис-

сін по организаціи домашняго чтенія“ (въ Москвѣ); планы систематическаго чтенія и сношеній. Дается „списокъ лучшихъ книгъ“ (1160 названій книгъ,—на сумму 2620 р. 60 к.), „новыя книги“,—въ этой главѣ даются краткіе отзывы журналовъ (данъ 181 отзывъ; число-же книгъ гораздо болѣе, такъ какъ даются отзывы за разъ о группѣ книгъ—одного книгоиздательства, напр. изданія Вятскаго губернскаго земства или товарищества „Донская Рѣчь“).—Отзывы кратки, но содержательны и извлечены изъ компетентныхъ источниковъ (изъ журн. Рус. Мысль, Рус. Бог., Образованіе, Рус. Шк. и др.), что вездѣ и указано,—а потому можетъ служить для справокъ о книгѣ болѣе полного отзыва.

Далѣе слѣдуютъ: списокъ учебниковъ, одобренныхъ Мин. Нар. Пр. для школъ; списокъ журналовъ и газетъ;—лучшихъ книжныхъ магазиновъ и складовъ;—фирмъ торгующихъ волшебными фонарями и картинами къ нимъ; заканчивается книга спискомъ учительскихъ обществъ взаимопомощи и попеченія объ учащихъ.

Уже одно краткое перечисленіе оглавленій показываетъ какое богатство содержанія имѣетъ это полезное изданіе для учителей начальныхъ училищъ, давая указанія по многимъ существеннымъ запросамъ, а потому должно желать возможно большаго распространенія и использованія этой книги.

Обращу еще вниманіе читателей на приписку на обложкѣ. „Чистый доходъ отъ настоящаго изданія поступаетъ въ пользу общества взаимопомощи учащихся Тверской губерніи“ Кѣмъ составлена книга? неизвѣстно; можно думать, что это трудъ коллективный—и можетъ служить прекраснымъ образцомъ для развитія дѣятельности обществъ взаимопомощи, такъ какъ подобныя изданія, принося громадную помощь всѣмъ учащимся, могутъ доставить плодотворную работу народнымъ учителямъ, какъ объ этомъ говоритъ и г. Чеховъ въ пятомъ выпускѣ изданія „для народнаго учителя“ и какъ упомянуто въ выпускѣ восьмомъ г-номъ Звигинцевымъ.

Жизнь идетъ быстрымъ темпомъ и указатель „справочная книга“, изданная почти 2 года назадъ какъ бы отстала и нуждается въ пополненіи, какъ относительно различныхъ практическихъ свѣдѣній, такъ главнымъ образомъ относительно литературныхъ указаній,—вслѣдствіе обширнаго потока литературы—особенно педагогической; но „Справочная

книга“ останется основаніемъ, къ которому нужны дополненія,—или лучшимъ образцомъ,—какъ надо составлять справочныя книги для народныхъ учителей которыя-бы, отвѣчая на необходимыя практическіе запросы, поднимали духъ учителей и давали-бы имъ возможность вполне войти въ сферу высшей современной культуры.

Хр. Пахомовъ.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Страницы нашего журнала, имѣющаго цѣлю предоставленіе учащимъ низшей и начальной школы возможности обмѣна мыслей по интересующимъ ихъ вопросамъ, открыты исключительно для учителей и учительницъ (настоящихъ и бывшихъ) низшихъ училищъ и начальныхъ всѣхъ наименованій. Отъ постороннихъ лицъ будутъ приниматься лишь письма въ редакцію по поводу помѣщенныхъ въ журналѣ сообщеній.

Учителя и учительницы приглашаются заблаговременно присылать свои статьи по вопросамъ, интересующимъ народного учителя, разборы вновь выходящихъ книгъ для употребленія въ народныхъ училищахъ, воспоминанія, записки, дневники и т. п., а также сообщенія о выдающихся явленіяхъ въ жизни народной школы (корреспонденціи).

Просимъ также распространять свѣдѣнія о журналѣ какъ между товарищами, такъ и между посторонними лицами. Журналъ тогда только можетъ прочно стать на ноги, когда въ кассѣ редакціи будетъ достаточно средствъ для его поддержанія. Сдѣлать же его живымъ и интереснымъ зависитъ отъ самихъ учащихся.

Редакторъ-издатель А. Знаменскій.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ

1

Ст. Жосли, Не признанному и никому неизвѣстному поэту.
Ваше стихотвореніе (?) напечатано быть не можетъ. „Калѣчила“ и „не излѣчивало“ развѣ только глухонѣмой приметъ за риѣмы.

Пучежъ, В. Н. Ор. У Васъ встрѣчаются неправильныя ударенія, напр. „знаю“ приходится читать съ удареніемъ на „ю“ или „вѣрно“ съ удареніемъ на „о“. Познакомьтесь основательнѣе съ теоріей стихосложенія и развейте въ себѣ музыкальный слухъ, совершенно необходимый поэту, и тогда уже присылайте намъ Ваши стихотворенія. А до тѣхъ поръ, простите, печатать не можемъ.

Вятка, А. И. К. Статья „Училищные Совѣты“ плохо обработана и еще хуже переписана, а потому напечатана не будетъ.

О п е ч а т к а .

На стр. 40 стр. 5 снизу напечатано: *жестоккой*; слѣдуетъ читать: *житейской*.